

МИРАЖИСТЫ

*«Если Буду Жив»
Лев ТОЛСТОЙ*

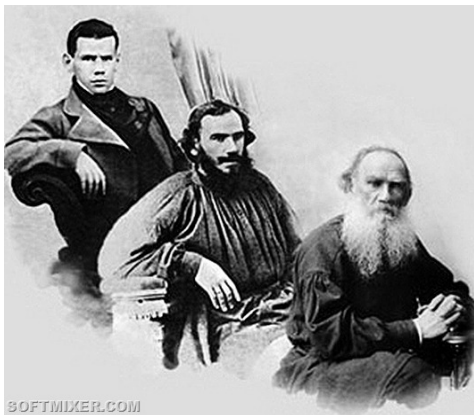
АЛЬМАНАХ ЕБЖ «Если Буду Жив»

**Константин
Кедров
Елена Кацюба
Николай
Ерёмин
Максим Цариков
Евгений
Попов
Марина Саввиных
Сергей
Бирюков
Григорий Шувалов
Лев Толстой**

**«Литера-принт»
Красноярск
2016**

ББК 84.Р6

**АЛЬМАНАХ ЕБЖ
«Если Буду Жив».**
– Красноярск: «Литера-
принт», 2016. – 240 с.

Автор идеи, составитель
и издатель Николай
Николаевич Ерёмин.

**Подношение любителям словесности ко дню рождения
Льва Николаевича Толстого (28 августа (9 сентября) 1828 –
7(20) ноября 1910)**

**Тираж 100 экз. пронумерованных, подписанных
и подаренных авторам, принявшим участие в альманахе.**

АЛЬМАНАХ ЕБЖ «Если Буду Жив»

В оформлении использованы фрагменты фотографий
из коллекции Елены Кацюбы
и портала «Мой мир», кошек нарисовала Кристина Зейтунян-
Белоус.

Сверстала книгу Марина Богданова

ISBN 978576-025-5

© Коллектив авторов, 2016

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

ПОЭТО

Царь

Кому вы меня завещали
Или кто вам завещал меня
Птицу которую разорвали крылья
Крылья которые разорвали птицу
Я знаю что поэзия- теплота
принимаемая после Причастия
Я знаю что Исповедь это Поэзия
Я знаю что Поэзия-Исповедь
Таинство Поэзии
Поэзия Таинства
Мой Храм из крови
А кровь моя- Кровь Христова
И никакой другой крови нет
Мой кров из крови
алеет восходом-
пылает закатом
В царском облачении
из звёздного неба
Царь царствует в звёздном царстве
своего несокрушимого Я

23 июля 2016

Санскрит 1963

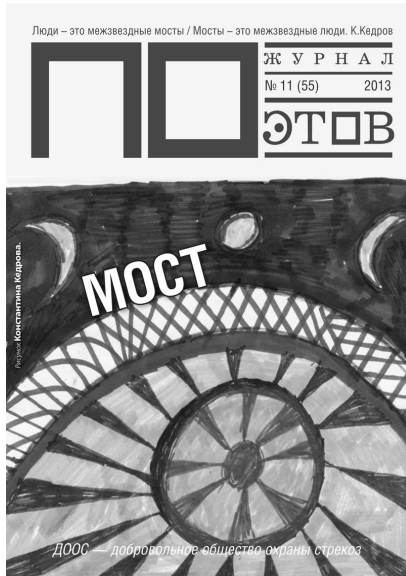
На спор я выучил санскрит
Была такая заморочка
Все тантры-мантры я постиг
И очень многого достиг
Достиг и стоп, а дальше точка
Иду по улице сквозь шум
Шепчу: Ом Мани Падме Хум
И стоя в очереди в массе
Я повторяю: Тат твам аси-
Что означает: То ты еси-
Я повторяю: То ты еси-
И стих уходит в Поднебесье
Санскрит спаси меня спаси
Иже еси на небеси
И спас меня санскрит однако
Меня увидела девака
Пред ней я вспыхнул словно магнийт
О агни-агнец агнец- агни
Пусть все во мне огнем горит
Ура! - я выучил санскрит!
Весь Эрос Филос и Агапию
Я опрокинул в эту Гаппию

1.2.15

Я-мост

От мысли к сердцу и от сердца к мысли
Стихи мои как керченский мост зависли
Я Крым я Севастополь я так устроен
Я-мост любви я уже построен!

5 июня 2016

Коромысло-ИЛИ

Коромысло на плечиках
Быть или не быть
Кренится то вправо то влево
На шейке-ИЛИ
А ведь надо донести до дома
не расплескав

7 июня 2016

Моцарт и Бетховен

Бетховен греховен
Бетховен верховен
Его нео-бьятость
Есть высшая святость

Если Буду Жив

Я эту музыку ждал
Мы эту музыку ждали
Космос опять опоздал
Вновь мы вперёд забежали

Воззри в возрение
Взор-ви взрыв взором
Плугом взора вспаши пашню неба
Проростающую звёздами нот
Прозревающую нотами звёзд
В поле где мечутся мечи Куликовской битвы
Ты один кулик на болоте

5 июня 2016

Я всех люблю

Я никого ни в чем не обвиняю
Я всех люблю люблю и обнимаю

Печали нет – печаль нам только снится
Зато бывают радость и любовь
Меж мной и космосом размыты все границы
Я моцартовский храбрый птицелов

Но никого я в клетку не сажаю
Поскольку всех люблю и обожаю

И все же в клетке милая родная
Поскольку клетка у меня грудная
И я надеюсь для неё одной
В такой же клетке нежной и грудной

Да у меня как минимум два сердца
Как два кита из океана секса

За стайей в стаю птицы улетают
Они внутри полета обитают
Я знаю птица моего полета
Всегда со мной летит внутри полета

Я знаю птица в клетке – это сердце
Я знаю сердце в клетке – это птица
Сейсмоопасно все и все есть сейсмо
И всё стремится снова сотвориться

Любовь как битва и как битва текст
Секс как молитва и молитва секс

Куда уехал человекоцирк

Куда уехал человекоцирк
Куда умчался циркочеловек
Лучи всех спиц не ведают границ
Навстречу свету свет и только свет

Свет человек давно не только луч
Луч человек всегда летящий сквозь
Ключ человек ко всей вселенной ключ
Он весь ответ на собственный вопрос

Вселенная на сколько голосов
Расписан хор, всех голосов хорал
Я всё сказал но не хватило слов
Не я орал весь хор меня орал

Если Буду Жив

Я прокричу ещё раз прокричу
Кричу мне просто хочется кричать
Я по лучу за голосом лечу
Я облучён и буду облучать

Бог и Ной

Ной был умным двуногим
Бог конечно был Богом
Ной ходил перед Богом
Бог ходил перед Ноем

Даже в водах потопа
Утопив всё иное
Ной останется с Богом
Бог останется с Ноем

Бог и Ной
Бог иной

Ну зачем мне петь

Ну зачем мне петь
когда никто не слышит нот
Ну зачем когда душа навыворот
вылезать из тела оболочки

Выворачиваясь как листок из почки
Повторяя: Вывернусь и вырвусь-
Нет никто не знает что зачем
И никто не понимает смысла

тех речей что льются как ручей
из подземных ледяных ключей
обжигая леденящей мыслью

11 июня 2016

Орфей и Люцифер

Надо думать только о хорошем
Только о хорошем надо думать
О хорошем будущем и прошлом
Дабы мир бездумный надоумить

Надо мыслить только о немислимом
Только о немислимом и вечном
Как Христос-Парит над всеми мысль Его
Преломляясь в глубине сердечной

Надо расширять и слух и зрение
Не взирать а сердцем прозревать
Раскрывающихся роз прозрение
В миг раскрытья их не прозевать

Надо быть добытчиком великого
Из бездонных ноосферных недр
Лики преломляемые бликами
На манер поврхнлстей Моне

Угасанье зренья-внутри сияние
Утишение слуха звукосфер
Вечных нот в мелодию слияние
Света сын ОрфееЛюцифер

9 июня 2016

Соло ру. лада

Не словами а соловьями
Говорю сегодня я с вами

В высь выруливаю руладу
Ладу усладу усаду ладу

Соловьиномефодиевый кирилл
В небо горлышко приоткрыл

В Рай распахнутые две створки
Соловьиные связки в горле

Соловей соло вей
Соло вью соловью
Ай лавью соловью
Соловью айлавью

24 мая 2016

Тот и Этот

Но вот что удивительней всего
Спасаясь от всемирного вампира
Я в Этом мире прячусь от Того
А в Том от Этого скрываюсь мира

23 мая 2016

Опережая линию судьбы
Я вдруг заметил что уже давно
И в будущем и в настоящем был
Всё будущее в прошлом мне дано

22 мая 2016

До да

Кто плачет пламенем над пламенем
Тот понимает что такое дождь
Пойми меня пойми меня пойми меня
Как слово-Да-восходит к ноте-До-

Я говорю-До завтра навсегда-
Ты говоришь-Да! Завтра-навсегда-
До нижнее становится До верхним
До верчивым доверченным до вечным

20 мая 2016

Моя Таганка

В фойе в буфете всё ещё-Бла бла ..-
Театр опустел..Но что особо ценно-
Мы знаем что трагедия была-
Иначе -почему пустая сцена

Зал опустел и сцена опустела
И нет на сцене ни добра ни зла
Но почему меня так манит сцена-
Я знаю здесь трагедия была!

Прощай театр-теперь меня там нет
Теперь другие там разыгрывают пьесы
Любимовский пустует кабинет
Лишь за кулисами висят противовесы

По коридору этому бродили
С Любимовым входя и выходя

Если Буду Жив

-Быть или не..Всего важнее ИЛИ-
Я говорил Любимову любя

Любимов был-я это твердо знаю
Любимов был-всё остальное блажь
И мне не интересна жизнь иная
Во мне иной таганский антураж

Театр опустел-поставлены все пьесы
Отыграны премьеры и превью
Как в храме где отслужены все мессы
И я один Пустую Чашу пью

19 мая 2016

Поэто

Зачем то жизнь проходит мимо
Проходит мимо всё минуя
Она как пантомима мима
И вряд ли здесь её пойму я

Ну что ты там изображаешь
Себя как женщина рожает
Бог весть неведомо кого
Ведь в зале нету никого

Душа не плачь-какое дело
До неозвученных поэм
Невоплотившееся тело
Поэт как Немо в лодке нем

Я нем был с вами с вами с вами
Останусь навсегда немым
Я поперхнувшийся словами
Как тени мечущийся мим

Не раз я говорил-пойду мол
И вдруг на истину набрёл
Ну а марксизм то кто придумал
Ну а фрейдизм кто изобрёл

Они не осквернили слуха
Я не пленился их речами
Фальшивые отмычки духа
Гремят тюремными ключами

Всю жизнь нас умиряли плетью
Плеть заскорузлая корявая

Если Буду Жив

Ушло кровавое столетье
Пришло не менее кровавое

Как Волга я впадал в свободу
И растекался по излучинам
Я так любил свою свободу
Что избегал благополучия

Благополучие ползучее
Ползучее благополучие
Оно отнюдь отнюдь не лудшее
Скорее худшее из худшего

Пусть не был в Иерусалиме я
Пусть не сложилась несложизнь
В итоге жизнь необъяснимая
Никем непонятая жизнь

Мы перестали быть свободными
Мы стали грустными покорными
ВИКЖЕЛЬ не разводил пути
Нам просто некуда идти

Я стал и проще и свободней
Как будто всё мне нипочём
О чём-то думал я сегодня
О чём о чём о чём о чём....

Блесна блеснула жизнь уснула
Душа как рыба на блесне
Хвостом сияющим всплестнула
Во сне восне во с невосне

Может статься может не статься
Но в конце любого пути
Есть возможность уйти что б остаться
И остаться чтобы уйти

27 июня 2016

Поэтому я не молчу
Поэтому я нем
Поэтому я не
Поэтому я
Поэт

23 июня 2016

В моём небе твоё окно

Как будто море меня уснуло
Как будто я спасательный пояс
Тянущий наверх всё

Никто не видел этого корабля
Но все видели команду матросов
поднимающих незримые паруса

Отринешь меня
И ничего не останется
Кроме меня отринутого

В моём небе твоё окно
В твоём окне моё небо

Когда замертво падает снег
Как раненый Пушкин в сугроб...

Если Буду Жив

Эта птица давно улетела
Но в душе и в небе
Остались невидимые следы полёта
21 июля 2016

Скажу-"Да будь я и негром"
В любом количестве лет-
Был Бог которого не было
Есть Бог которого нет
22 июля 2016

Снег перестал быть снегом
вода стала льдом
Душа замёрзла
А мысль оттаяла
Человек стал человеком
форель вымерла подо льдом
Птицы на юг улетели стаями
23 июль 2016

Я слава Богу не святой
Но что известно всем поэтам:
Смысл этой жизни в жизни той
А смысл той жизни в жизни этой
22 июля 2016

А сердцу правду не прикажешь
И не спастись от немоты
В сиянии астральных радуг
Ты скажешь правду скажешь правду

А правда никогда тебя не скажет
Поскольку правда-это ты

23 июля 2016

Кому то я был мил-кому не мил
Но всё-таки меня любил весь мир
Конечно я на всё давно забил
Но иногда и я весь мир любил

Своей любовью я весь мир заполню
Потом забуду-и уже не вспомню

16 июля 2016

Внезапно

В довольно странной обстановке
Нас часто разлучала ссора
Я знаю в нашей постановке
Нам не хватало режиссёра

В бедламе театральных ссор
Ушли внезапно закулисы
И гениальный режиссёр
И нелегальная актриса

Внезапна жизнь внезапна смерть
По сути и любовь внезапна
Теперь осталось претерпеть
Внезапно наступило завтра

17 июля 2016

Сосны

*Посвящаю это стихотворение моей тётушке
Марии Фёдоровне Челищевой (Клименко)
Ей оно очень нравилось. Она покоится ныне
на первой аллее Донского кладбища,
где и я со временем упокоиться должен,
если будет на то воля Божия*

Сосны-ракеты солнцем прогреты
Небо покачивают вершинами
Прочно привинчены корни к планете
Связи здесь мощные нерушимые

Кто-то закончивший эту работу
Ждёт отсчитав миллиарды минут
Сосны стоят приготовясь к полёту
Кажется землю с собой унесут

1956-й год

На улице хорошая весна
На улице хорошая погода
А мне коробка черепа тесна
А мне нужна какая то свобода

1961 год

Россия космическое явление
И не более и не менее
С ней надо бережно осторожно
Всё невозможное здесь возможно

15 июля 2016

Васильки

На крутильных мировых весах
Сколько весим мы не знаем сами
Василек синеет в небесах
Небеса синеют васильками

Лепестками взвесив небеса
Василек дрожит от наслажденья
В небеса уходят голоса
Смертных удостоенных рожденья

Васильки вы селки небес
Как весы поглощают вес

17 августа 2014

Когда друзья бывают счастливы

Когда друзья бывают счастливы
Они уходят навсегда
Их женщины уводят разные
А возвращаются-Беда

Друзей уводят слава почести
Но возвращаются они
Туда где в грустном одиночестве
Я провожу за днями дни

Напрасно с милыми прощаемся
Бредём сбиваемся с пути
Мы все друг к другу возвращаемся
нам друг от друга не уйти

1965 г.

Веер Я

Наш мир нечетко обозначен
В нем есть пунктиры и пробелы
Я кое что переиначил
Перераспределил пределы

Не беспредел но беспредельно
Мир распахнулся словно веер
Здесь каждая звезда отдельно
А там весь космос не отделен

Поигрывая сам собою
как веером в руке дрожащей
Над бездной мира голубую
Я подлинный я настоящий

9 июля 2012

Изувечно

Распахнутоведение вывернуто в луну
Лунная изнанка опрокинута в солнечнобездну
Изнуренное прстранство машет крыльями
наготы
Улетающей в соё я сквозь своё не-я

Аббаты АББЫ от Аббакума
Агаты Агады
Волга улетает на устьеplane
Впадая в падучую
Чую правду

Агамемнон невозвращенец

не даёт завершится трагедии
А Уллис обманывая Джойса
спит с Навсекаей
не обращая внимания
на гомерический смех Гомера

Неподатливая Троя Элен
не дает возможности продолжения рода
Но род продолжается как народ

Сегодня все дома не все дома
Настроение на Домастрой
Стройся Троя и Троя троится

Секундомир отсчитывает в обе стороны
Раз нуль минус единица
Минус единица нуль раз
1-0- -1
-1-0-1

10 июля 2016

Смысл летящего Нового Завета

Смысл летящего Нового Завета
Не в расправленных крыльях
А в неразвязываемом узле всех страниц
Где слово-любовь сплетено с гееной
А слово-геена сплетено со словом любовь
Где правая щека стала левой

9 июля 2016

Если Буду Жив

Ну как вам это проще доложить
И жизнь и смерть закончатся когда-то
Ну не успел я жизнь свою прожить
Так получилось-занят был ребята
5 июля 2016

От глотка до другого глотка
Расстояние больше вселенной
Я не думал что жизнь коротка
Оказалось что просто мгновенна
5 июля 2016

Россия и свобода

Всё понятней год от года
Словно формула -Хари Кришна_
Россия вышла на свободу
А свобода на Россию так и не вышла
4 июля 2016

Теневая Луна

Во мне живет Луна
Расколота на 2
Та часть которя отколота-
В тени
А часть которая сияет
Вам путь небесный озаряет
Но часть которая в тени-
Она ведь тоже засияет
Когда на небе Полная луна

То Теневая вовсе не видна
И всё-таки она во мне сияет

1 июля 2016

Попробуйте теперь меня остановить

Попробуйте теперь меня остановить
Глуша слова и музыки верхи
Балетной ножкой вокруг стана вить
Витиеватые мои стихи

Давно в балетной пачке сверхгаллактик
Вселенная вращаясь кружит мозг
Кружит кружит кружит кружит галантно
Сквозное кружево из музыки и звёзд

Ах зачехлите ваши телескопы
Я с вами жил и с вами я кружил
Несметных звёзд и слов в калейдоскопе
Из этой плоти и из этих жил

1 июля 2016

Мозгобабочка

О сколько раз провозглашали
Что я себя не сберегу
Мозг-бабочка двух полушарий
Летит сквозь время и судьбу

Да с появлением интернета
Меня уже не запретить
Душа предчувствовала это
И мозгобабочка летит

Из неэвклидовых вибраций
Возникла музыка стиха
И на волнах сверхгравитаций
Я не стихаю- я стиха.....

1 июля 2016

Проигрыш

Возможно игра проиграна
но партия не доиграна
А рядом грустит герой
Над выиграной игрой

Я даже и не играл
Но выиграл-проиграл

27 июня 2016

Немота Немо

Душа не плачь-какое дело
До неозвученных поэм
Невоплотившееся тело
Поэт как Немо в лодке нем

Я нем был с вами с вами с вами
И буду навсегда немым
Я поперхнувшийся словами
На сцене мечущийся мим

27 июня 2016

Правда и Кривда

Эйнштейн открыл что зеркало кривое
Что в искривлённом мире всё живое
Не зря пророк в пустыне ел акриды
И говорил что Правда мира-Кривда
21 июня 2016

Не изменя

Ни строчки для других не изменя
Я на 100 лет опережаю ход событий
Но если вы не любите меня
То ради Бога-так и не любите

НЕ ИЗМЕНЯ
НЕ ИЗ МЕНЯ

20 июня 2016

Колея судьбы

В колею судьбы непроходимую
Колесо вкатилось может быть
Я вчера прогнал свою любимую
Но не перестал её любить

Милая любимая любимая
Колея судьбы непроходимая

19 июня 2016

Мой гороскоп

Я не самый главный в своём Я
Но и Я во мне отнюдь не главное
Эта жизнь моя и не моя
Послесловье раньше чем заглавие

Я опередил свою судьбу
Будущее для меня прошедшее
Я как Армстронг улетел в трубу
Там где звёзд скопление сумашедшее

Сумашедший Ангел осенил
Осени венцом мою поэзию
Я ни в чём себе не изменил
Начертав лучём свои созвездия

16 июня 2016

Между свободой и рабством нет промежутка

Между свободой и рабством нет промежутка
Свобода и рабство два параллельных мира
в одном пространстве
Свобода и рабство-две возможности одной жизни
Сам выбирай быть тебе рабом или человеком

Я знал в своей жизни много рабовладельцев:
Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко
Ныне рабовладельцев сменили работоторговцы
Но Свобода не покупается
Свобода не продается
Продаются в рабство
Покупают только рабов

Мысль и чувство
Если на душе светло и пусто
Хоть на миг замри остановись
Станет мысль твоя-сплошное чувство
Ну а чувство превратится в мысль

Не спеши но и не отставай
Обгоняя мысль на повороте
Но и чувству волю не давай
Мыслью обгони его в полёте

Как мне грустно
Разум встрепенись
Мыслечувство
Влейся в чувствомысль

19 июня 2016

Подселенье и переселенье Душъ

Если бы Душа мамы в мою Душу переселилась
Она бы пела играла и веселилась
Если бы Душа папы перевоплотилась в меня с
любовью
Она бы сутками пыхтела над ролью
Перечитывала Шекспира и Шоу
Иногда резвилась в эстрадном шоу
Впрочем я и впрямь играю и веселюсь
И скорей всего обратно переселюсь

13 июня 2016

Когда весь мир меня забудет

Когда весь мир меня забудет
Средь бытия-небытия
На кладбище меня не будет
Но в этих строчках буду я
Когда и кладбища не будет
Исчезнет в небе звёзд семья
Меня не будет вас не будет
Но в этих строчках буду я
Когда и этих строк не будет
Не будет даже бытия
Мир сам себя в себе забудет
Но в нём останется не-я

13 июня 2016

Проспект

Ядовитее всех микрбов
Был вреднющий дядька Андропов
Перехватывал птиц в полете
Почему они не на работе
Запрещал кресты на куполах
Ядовит его кремлёвский прах
Не дорога ведущая к храму
А проспект Андропова-к Хаму

14 мая 2016

Отражения

Не знаю сам-ко сну ли не коснули
Или показывают вечное кино
В том зеркале где мы с тобой уснули
Два отраженья спрятались давно

Вот таинство зеркального гамбита
Всё что внутри давно уже извне
То зеркало давным давно разбито
А отраженья прячутся во мне

18 мая 2016

Опус тела

Все дорогою ценою куплено
Все пробуждаются засыпая
Бабочка вылетела из Куколки —
Куколка вылетела из Бабочки
Куколка вылетела и тело
Как фараона гроб опустело
Опустела-опус телела

19 мая 2016

Аэро-планы

Наччертив небесные планы
Разлетелись аэропланы

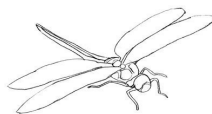
23 мая 2016

К всё

Всю жизнь говорили что всё впереди
И вдруг оказалось что всё позади
Но всё-это ветер в тугих парусах
И мчит мой кораблик на всех парусах

7 июня 2016

ЕЛЕНА КАЦЮБА

ПЕТРУШКА-ГОМУНКУЛУС

Действие происходит на фоне фигур Адама и Евы у древа познания.

Петрушка.

Здравствуйте, друзья и подружки!
Я ваш старый друг – Петрушка.
Родился на свет не как другие детки,
а в большой пробирке из маленькой клетки.
По-научному называюсь «гомункулус»,
А по-простому – человек.
Знаю много ученых словечек.
Послушать хотите?
«Генотип только тогда проявляется в фенотипе,
когда рецессивный аллель
находится в гомозиготном состоянии».
Вот каково моего ума достояние!
Не успел родиться – сразу жениться.
А у жены моей будильник между ног,
жди, когда прозвенит звонок.

Появляется жена в белом платье, лицо закрыто фатой, в руке будильник. Петрушка пытается ее обнять, но она его отталкивает

Жена.

В семейной жизни главное режим,
а у тебя на уме один обжим.

Уходит, громко тикая.

Петрушка.

Тик-так, так-тик...

А я терпи?

Но вы еще не слышали о таком типе:

у меня что в генотипе,
то и в фенотипе.

Это по-научному,
а по-простому не хуже –
что было внутри,
все вылезет наружу.

(Протягивает руку и берет у Евы яблоко)

Позвольте, бабушка Ева,
сорвать яблочко с вашего древа.
Вы соблазнили Адама, своего мужа,
а мы чем хуже?

(Появляется 1-я девушка)

Девушка, не хотите ли яблочка?

1-я девушка.

А вы всем даете?

Петрушка.

Здравствуйте, я ваша тетя!

Никогда не был в такой роли.

1-я девушка.

Так вы актер?

Петрушка.

Скорее режиссер,
а также оператор,
ищу подходящую натуру.

1-я девушка.

А где же ваша аппаратура?

Петрушка.

В данный момент мы снимаем скрытой камерой,
но лично я предпочитаю открытый объектив.

Не желаете ли пройти –
на пробу?

*(Уводит девушку за ширму, тут же выходит с другой
стороны, поправляя штаны)*

Любовь до гроба – дураки оба.

Теперь и подождать можно...

Звон будильника. Появляется жена.

Жена.

Петрушка, ступай на брачное ложе!

Петрушка.

У нее сработала пружина, а у меня кончился завод!

Кто же женится на пустой живот?

Ты мужа накорми, а потом требуй.

Жена.

Ладно, сварю тебе бульон к обеду.

Петрушка.

Бульон? Только не он!

Я пока в пробирке родился,
одним бульоном питался,
мыл в нем ручки и ножки.

Жена.

Вот тебе ведро картошки.

Петрушка.

Нет уж, дудки,
от крахмала крепки воротнички да юбки.

Чтобы муж в постели был асом,
корми его натуральным мясом.
(Выталкивает жену со сцены. Смотрит на картину)
А я пока буду наслаждаться искусством,
чтоб не угасло чувство.
(Появляется 2-я девушка, в сапогах)
Девушка, взгляните, какая прекрасная картина!

2-я девушка.

Ваши вкусы так примитивны?
Сегодня только невежда
изображает женщину без одежды.
В наше время женская красота
определяется качеством сапога.

Петрушка.

А как же ню в классическом стиле?

2-я девушка.

Да что это вы, в самом деле?
Главное в женщине не эти сомнительные достижения,
а ее общественное положение,
так называемый социальный статус.

Петрушка.

А мужчина, значит, как страус,
сиди дома на яйцах
пока жена самоутверждается!
А как же грудь, плечи, линия бедра...

2-я девушка.

Это было позавчера.
Сейчас времена другие,
все это – дело пластической хирургии.

Петрушка.

А как же вздохи, мечты, томление?

2-я девушка.

У вас, я вижу, очень много времени.

Петрушка.

Но как же тогда общаться?!

2-я девушка.

Мужчина должен нападать...

(Петрушка бросается на девушку, она отбрасывает его приемом каратэ)

а женщина – защищаться!

Петрушка *(пытается уползти на четвереньках)*.

Пора прощаться...

Девушка заслоняет ему дорогу. Петрушка упирается головой в ее сапоги.

2-я девушка.

Милый, куда ты?

Петрушка.

Раньше сапоги носили солдаты.

Уйди с дороги.

2-я девушка.

Это вы мне целуете ноги?

Милый, я хочу от тебя ребенка!

Волочит Петрушку за ширму. Он тут же выскакивает с другой стороны, поправляя штаны.

Петрушка.

Ну и бабенка,
что называется без затей.
А что это она говорила про детей?
С каким лицом
я стану отцом
от первой попавшейся матери?
Может, у нее резус-фактор отрицательный?
Неужели во мне, как в пробирке, заведутся дети?
Это ужасней всего на свете!
А отпуск декретный кто мне оплатит,
ведь я не состою ни в каком штате,
я даже не член профсоюза.
Надо же, такая обуза.
Уж не сплю ли я, в самом деле?

Звонок будильника.

Голос жены.

Петрушка, я жду тебя в постели!

Петрушка.

Ну вот, кажется, растет живот,
я болен, нет – умираю.
Врача, врача, я уже рожая!

Врач.

Что с вами, дорогая?
К чему такой эксцесс,
роды – естественный процесс.
На каком вы месяце?

Петрушка.

На третьей минуте!

Врач.

Кого вы хотите обмануть?

Вам надо взвеситься,
сдать на анализ кровь и мочу...

Петрушка.

Не хочу, не хочу, не хочу!

Врач (*осматривая Петрушку*).

Истеричка. Да еще и мужчина к тому же!

Петрушка.

Доктор, это намного хуже?

Врач.

Наоборот, это прекрасно.
Кое-что, конечно, не совсем ясно,
надо посмотреть литературу,
а вы пока меряйте температуру.
Пойду загляну в интернет.
В общем-то, обычное дело.

Выходит.

Петрушка.

Нет, нет, нет, болеть надоело!
(*Надевает белый халат*).
Мне все нипочем,
сам буду врачом.

3-я девушка (*заглядывая в кабинет*).

Доктор!

Петрушка.

Да-да!

3-я девушка.

Вы свободны?

Петрушка.

Для вас – всегда.

Сначала анамнез, потом анализ.

А что мы имеем в натуре?

3-я девушка.

Морскую болезнь от магнитной бури.

аллергия на лунный свет,

красная сыпь от конфет.

Съела всего-то коробку, а вся чешусь.

Доктор, я умру или все-таки излечусь?

А вчера в груди что-то упало,

а в голове сразу вскочило.

Скажите, что это было?

Петрушка.

Право, не стоит так беспокоиться.

Прошу вас раздеться до пояса

для начала...

(Уводит девушку за ширму, тут же выходит с другой стороны, поправляя штаны)

Наконец-то она замолчала.

Выходит жена с будильником.

Жена.

Ну, вот я тебя и поймала,
пойдем в кровать скорее.

Петрушка.

Ну, ты выбрала время.
Какой мне теперь в этом толк?

Жена.

Иди исполнять супружеский долг.
У меня уж все косточки истомились.

Петрушка.

А что это у тебя глаза провалились?

Жена.

Да уж выплакала все глазки,
от тебя дожидаясь ласки.
А ты такой грубый...

Петрушка.

А почему торчат зубы,
прямо как у волчицы?

Жена.

Ничего с тобой не случится.
Я прямо щас зарыдаю!

Петрушка (*пытается обнять жену*).

А почему ты такая худая?
Что сзади, что впереди.
Потолстеешь, тогда приходи.

Жена.

Я от любви к тебе похудела!

Петрушка.

А это не мое дело.

Не женщина, а какой-то скелет.

Жена.

Значит, нет?

Петрушка.

Нет, нет и еще раз нет.

Что это за семейная жизнь?

Жена.

Ну, Петрушка, теперь держись!

(Сбрасывает длинную фату. Под ней череп, в руке коса, на груди будильник).

Не хотел ты меня ублажить –
больше тебе не жить!

Что твоя жизнь – один день до вечера,
а со мною ты жил бы вечно.

Петрушка.

И стал бы бессмертным Кощеем...

Жена-смерть.

А ну, проси прощения!

Может, еще и помилую.

Петрушка.

Лучше умереть, чем жить с такой милою!

Жена-смерть.

Не ругайся, а то щелкну в лоб.

Эй, могильщики, несите гроб!

(Входят два скелета-могильщика).
Уложить и накрыть крышкой.

Уходит.

1-й скелет.

Надо ж, какой молодой парнишка.
И чего это ты надумал жениться?
Лучше пошел бы учиться

Петрушка.

Да я ведь не кончил и первого класса,
как меня обработала эта клякса.
Только с пробиркой расстался,
а уже на кладбище оказался.
Досыта не ел, вволю не пил...
Дяденька, ты бы меня отпустил,
а я свою жизнь отдал бы науке...

2-й скелет.

Да у жены твоей больно длинные руки.

Петрушка.

Написал бы длинную диссертацию,
как от этой напасти спастись,
отыскал бы я ген бессмертия...

1-й скелет (достает бутылку).

Да неужто мы без милосердия?
Выпьем, покойничек, за твое здоровье.

Жена-смерть.

Ах вы, червивое отродье,
развалились, как на пляжу,

да я вас самих сейчас в гроб уложу!
Ну-ка брысь!
(Петрушке)
А ты в гроб ложись.

Петрушка.

А как это в него ложиться?
Извините, не успел научиться.
(Показывает язык)
В первый раз умираю,
ничего не знаю.
Требую инструкций и указаний!

Жена-смерть.

Вот наказание!
(Отдает Петрушке косу)
На, поддержи.
(Ложится в гроб)
Вытянись и лежи.
Руки сложи на груди,
по сторонам не гляди,
язык не высовывай, как мальчишка...

Петрушка.

Тут тебе и крышка!

Закрывает гроб крышкой.

Жена-смерть.

Выпусти, я все прощу!

Петрушка.

Ни за что не пущу.
Стоило на свет родиться,

чтобы тут же в гроб ложиться.
Не дошел даже до брачной койки,
а уже покойник.

Убегает. Возвращаются скелеты-могильщики.

1-й скелет.

Готово. Запечатала, как консерву.

2-й скелет.

Ух, я бы ее, стерву!

Смерть.

Ребятки, погодите минутку,
вы совершаете грубую ошибку –
в этом гробу не Петрушка,
а совсем случайная старушка.
Я цветочки тут собирала
и нечаянно в гробик упала.

1-й скелет.

А ты смог бы в гробу шутить?

2-й скелет.

Право, жаль хоронить.

Петрушка.

Свобода, свобода!
И главное – обошлось без развода.

1-я девушка.

Товарищ оператор, когда мы продолжим съемки?

2-я девушка.

Милый, я будущая мать твоего ребенка!

3-я девушка.

Доктор, когда мы продолжим лечение?

Петрушка (*взмахивает косой*).

Ну, нет никакого спасения!

Врач (*с двумя санитарями*).

Больная, один момент,

отдайте мне этот сельхозинструмент.

Осторожно, спокойно, тихо...

Петрушка.

Девушки, не поминайте лихом,
приходите в роддом на свидание.

До свидания!

1983

Комментарий.

Владимир Миодушевский

Единственный и неповторимый

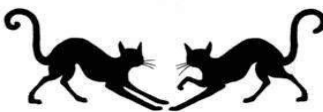
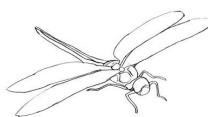
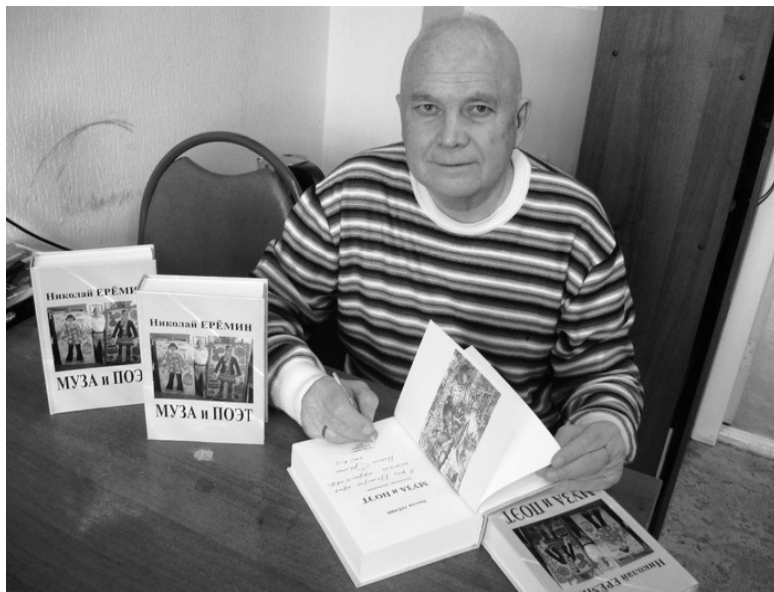
Вспоминаю те далекие и очень близкие времена, когда мы часто собирались веселой кампанией в Москве на улице Артековской в гостеприимной малогабаритке Константина Кедрова и Елены Кацюбы. Надо же, прошло более тридцати лет, а кажется, это было вчера. Леша Парщиков с Олей Свибловой, Галя Мальцева с каким-то жутко талантливым пианистом, поэты, художники и я – кукольник, недавно окончивший Литературный институт. Лена тогда написала пьесу «Петрушка-гомункулус» в стилистике народного лубка. И мне очень захотелось поставить ее в кукольном театре в Уфе, где я тогда работал.

Один единственный спектакль готовился почти целый год. Кукол делал замечательный уфимский художник, мой друг Миша Копьев. Куклы были уникальные – лица и руки терракотовые, фигурки планшетные, с фиксацией позы, как у мультфильмовских персонажей, и все с портретным сходством. Врач – академик Павлов, девушки – узнаваемые актрисы Гурченко, Доронина, Пугачева. Ну а Петрушка в традиционной красной рубахе носил моё лицо. И когда он встречал очередную девушку, подол рубахи приподнимался и дерзко топорщился. И я был исполнитель всех ролей. Посмотреть репетиции приходили актеры. Но однажды подошел ко мне очередной режиссер и строго спросил: «Что это вы затеяли? Какого-то хамунклуса репетируете? Что за самодеятельность, немедленно прекратите это безобразие! Вас ждут большие неприятности».

Вот так и получилось, что первый и последний спектакль «Петрушка-гомункулус» по пьесе Лены Кацюбы состоялся в один из замечательных вечеров 1983 года в квартире Гали Мальцевой в комнате с камином в невысоселенной коммуналке на улице Грановского.

Конечно, что-то я напутал, и пришлось импровизировать, но в основном шел по тексту, и эта веселая хулиганская сказка прошла с большим успехом. После спектакля все зрители пробовали играть куклами, сочиняли новые диалоги и много смеялись. К сожалению, больше этот спектакль не повторился, я с куклами уехал в Уфу, потом перебрался во Владимир, где проработал главным режиссером областного театра кукол 20 лет. Время уникальных кукол не пожалело, какие-то разбились, какие-то я раздарил друзьям, а у меня сохранилась лишь моя голова – голова Петрушки-гомункулуса. Она стоит в книжном шкафу, и когда я смотрю на неё, то перед глазами всплывает то удивительно теплое и щемяще родное время тех далеких восьмидесятых прошлого века...

НИКОЛАЙ ЕРЁМИН

ПОЭМА «ОДНАКО!»

памяти Пастернака

(29 января 1890-30 мая 1960)

1.

Стихи Бориса Пастернака,

Рождённые

100 лет назад,

Бессмертье обрели, однако, -

Звучат,

Зовут в весенний сад...

И в летний сад, и в сад осенний,

Где мёд цветов,

Полёт шмеля...

В дождинках радужных

Веселье

Мне дарят небо и земля...

О, чудотворная картина -

Поэзия минувших дней,

Нетленно и непобедимо

Воскресшая

В душе моей...

2.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Пушкин царь-пушкой был в русский культуре...

Лермонтов – эхом, предвестником бури...

Хлебников – хлебом веков...

Цветаева – Евой цветов...

А Пастернак, по всем данным, -

С нею дружившим Адамом...

Там, где, увы, райский сад
Был превращён в русский ад...

3.

Вечность

Крылья распахнула:

Кто смелей? – признайся сам!

Рыжий, Панкин, Жумагулов,
В.Прокошин, Мандельштам...

Кузнецов или Рубцов?

Пастернак или Шатров?

Гумилёв, Есенин, Блок,

Л. Губанов...

Видит Бог,

Что, пока живёт поэт,

На вопрос ответа нет.

4.

В ДЕРЕВНЕ

В деревне хорошо, однако!

У речки,

Боком к шалашу,

Сижу,

Читаю Пастернака

И свежим воздухом дышу...

Какой простор!
Какая – ах! –
Свобода в сердце и в стихах...

5.
От могилы Ахматовой
До могилы, увы,
Пастернака

Нет в пути
Кроме книг
Путевого знака...

Ты идёшь наугад,
Жизни рад и поэзии рад...

Вот могила Ахматовой...
Вот могила, увы, Пастернака...

- Что с тобой,
Дорогой?
- Ничего, притомился, однако...

6.
СТИХИ К РОМАНУ

Кто матом клял,
Кто компро-матом
Поэта за его грехи...

И всё ж,
На зависть всем талантам,
Стал Пастернак лауреатом
Не за роман, а за стихи!

Которые
И по сей час
Конгениальны, без прикрас...

7.
ПЕГАС ПАСТЕРНАКА

Когда, опальный,
При социализме
Поэт Пегасу крылья опалил,

Увы, я был
Участником на тризне...
И много выпил за него чернил...

Так вина разливные называли,
Точнее кто придумает
Едва ли...

- За Пастернака! –
Умножая слякоть,
Любой хотел «достать чернил - и плакать ...»

Стихи к роману,
Точно вещий знак,
Тогда недаром выдал Пастернак...

Его Пегас
С опальной парой крыл
Воистину над веком в о с п а р и л...

И слава Богу!
Вот Пегас каков:
Не умолкает звон его подков...

8.
БЫТЬ ЖИВЫМ

«БЫТЬ ЖИВЫМ, ЖИВЫМ И ТОЛЬКО»
Борис Пастернак

Пастернак советует, увы,
Оставаться, то есть БЫТЬ живы-
М...

Каким угодно,
До конца,
То есть - до тернового венца...

Или
До лаврового
Венка...

Если Буду Жив

Силы не исчерпаны пока
Неизвестной,
Роковой судьбой...

Оставаться,
Быть самим собой,
Следуя из темноты на свет...

Что ж,
Поэт
Хороший дал совет...

Вот зачем
По чувству и уму
Я совету следую сему...

И иду за ним -
Своим путём,
Дел не оставляя на потом...

9. СТИХИ НАВЗРЫД

«Февраль. Достать чернил и плакать!»

Б. Пастернак

Я помню,
Не было в продаже
Чернил... Увы, чернила даже
И с промокашкой тетрадь –
По блату
Приходилось доставать...

Система эта всех достала...
Не зря страна иною стала.

Февраль.
И я, купив чернил,
Черновики перебелил
И вспомнил вдруг,
Заплакал как
Чернил доставший Пастернак...

10.
ОСЕНЬ

Да, к сожалению, всё вокруг стареет,
Дряхлеет, рассыпается на части...
И осень наступает... Боже мой!

Вот, только что был рядом век XX-й,
По радио ругали Пастернака,
И пели «Гимн Советского союза»...

А нынче – XXI-й на дворе!

И Пастернак – Достать чернил – и плакать! –
По радио читает для меня, -
Из Космоса, конечно, с Того света...

И нет давно Советского союза,
И бравый Гимн к победе коммунизма -
Хоть музыка всё та же – не зовёт...

И бродят в Интернете россияне,
В пока свободном виртуальном мире,
Поскольку тесно стало на земле...

И чаще в городах гремят теракты...
Землетрясения... А в морях – цунами...
На суше – наводнения, увы...

И дружбы нет, и равенства, и братства...
А в старых людях нет былой любви...
А в молодых - любви, как не бывало...

И хочет запретить, увы, Госдума
Куриль, не верить в Бога, водку пить,
Закусывая Чипсами с Попкорном...

И депутат один сказал угрюмо:
- Мы школьников опять оденем в форму
И всех научим родину любить!

11.
У ЗЕРКАЛА

Как бы ни был неправ я и строг,
Пастернак –
Это в зеркале – Блок...

А из зеркала:
- Что ты, сынок,
Каждый сам по себе царь и бог!

12.
Февраль достал меня, однако,
Тоской, стихами Пастернака...
Иду в пургу по льду реки,
Я - Лев по знаку Зодиака -
За мной бежит моя собака...
Туда, где сопки так близки,
Где солнца свет и нет тоски...

13.

В РЕСТОРАНЕ

Здесь, где жизнь убога,
Славно петь, однако,
Под гитару Блока
Или Пастернака...

Петь для местной пьяни,
Как когда-то, смел,
Трезвый Северянин
И Есенин пел...

Здесь, где всех к ответу
Призывает смерть...
На Руси поэту
Больше негде петь.

14.

СОН от ПАСТЕРНАКА

- Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну!
Ерёмин, ты – заложник,
У времени в плену...

15.

Небо высОко...
Море глубОко...

Как хорошо выпить воли, однако,
И закусить
Спелым яблоком Блока
И переспелой строфой Пастернака...

16.
ТРАВЛЯ

«Травля, травля... Несутся суки...»
Андрей Вознесенский

Вновь
Исчадия бесова семени,
Чтоб заметили их, однако,

Призывают забыть
Есенина,
Маяковского, Пастернака...

Обвиняя во всех грехах,
Проклиная, увы и ах,
Возникают то там, то тут...

А стихи поэтов
Живут...

17.
СЛОВА НА КРЕСТЕ

«Или, Или! Лама савахфани!»
Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?
(Мф.27:46).
«Тропинкой Пастернака в мир иной...»
Константин Кедров

Любимая, вдвоём
Нам хорошо... Однако
И мы с тобой идём
Тропинкой Пастернака...

Ахматовой, увы,
И Гумилёва...
Чу, - эхо средь молвы -
За словом слово...

Взгляни, по одному
Идут в объятия Бога -
Как будто свет сквозь тьму -
Тень Хлебникова, Блока...

Идут – метамета-
форические братья,
Чтоб нам - через лета -
Вернуть свои объятия...

Всё тише голоса...
Бесшумнее шаги...
Всё ближе небеса...

О, Боже,
Помоги!

18.
НАРОДНАЯ ТРОПА

Страсти кончились,
Однако...
Догорела, горяча,

Над могилой
Пастернака
Поминальная свеча...

Если Буду Жив

Вспять пускается толпа...

И опять

Тропа чиста...

2011-2016

Два рассказа

ВЫСШИЕ АЛКОГОЛЬНЫЕ КУРСЫ

- В вашем алкоголе крови не обнаружено! – сказала врач-лаборант, вручая мне результаты анализов.

Я был рад. Это означало, что после двух месяцев, проведённых в Москве на курсах, я получаю диплом с отличием и солидное денежное вознаграждение.

Два месяца пролетели в столице нашей родины - как два неповторимых дня и одна незабываемая ночь.

Как сейчас помню, пригласил меня в кабинет мой шеф, редактор газеты «Абаканский трезвенник» и спросил:

- Александр, хочешь пожить в Москве два месяца за государственный счёт?

- А в чём дело? – ответил я вопросом на вопрос.

- А дело в том, что пришла путёвка из ЦК КПСС. При ВПШ, в связи с очередной кампанией по борьбе с пьянством и алкоголизмом организованы курсы, на которых волонтеры, молодые коммунисты, будут обучаться искусству пить и не пьянеть, чтобы потом во всеоружии быть направленными на партийную работу.

Мы всей редакцией обсудили эту проблему, и я решил предложить путёвку тебе. Ты – молодой специалист, только что окончивший факультет журналистики, ты – молодой коммунист, только что вступивший в партию, чтобы жить по-коммунистически. В конце концов, ты – единственный, кто в редакции не пьёт, не знаю, почему, или болен, или себе на уме. Остальные люди - с солидным алкогольным стажем и в повышении квалификации не нуждаются.

Так что, вот тебе путёвка, по глазам вижу, что ты согласен. Как сказал учитель мирового пролетариата? Учиться! Учиться! И ещё раз учиться! Вот и учись, по-Ленински, по-коммунистически!

И я оказался в Москве.

Днём – обучение, лекции и практические занятия на курсах при Высшей Партийной Школе, а вечером и ночью – проживание на улице имени великого критика Добролюбова, вместе со студентами, в общежитии Литературного института.

Четыре этажа занимали очники и заочники, будущие писатели, поэты и критики, а два верхних – будущие партийные работники, курсанты. Студенты – по четыре человека в комнате, а курсанты – по одному. Живи в своё удовольствие!

На первом этаже – приветливый вахтёр, бывший вохровец. За его спиной – лифт. По стенам лестничных пролётов – добродушные портреты классиков русской, советской и мировой литературы.

Сейчас там, говорят, висит в багетной позолоченной раме портрет и поэта Николая Рубцова. А тогда мы с ним почти каждый вечер в лифте встречались, и всегда в приподнятом, а то и в возвышенном состоянии, стараясь перед вахтёром сделать вид, что мы – совершенно трезвые.

Вахтёр приветливо улыбался и говорил:

- Опять поддатые? Ну-ну, старого воробья на мякине не проведёшь! Проходите, только больше – ни-ни!

И мы шли – к Николаю или ко мне, две эдакие серые весёлые мышки, одетые в серые, по тогдашней моде, костюмы и в серые свитера, а-ля Хемингуэй.

Сядем за стол, выпьем - и начинает он читать свои стихи, не остановишь. Талантище, без всяких сомнений, так за душу берёт! Как сейчас, слышу его проникновенный голос:

- Эх, ребята, зарыдать хочется!

Хошь мы пьём, ребята, хошь не пьём, -

Всё одно помрём, как говорится,

Все, как есть, когда-нибудь помрём...

А между тем очередная кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом набирала обороты.

Магазины торговали только водкой, и только с 11-ти часов утра до 18-ти вечера, и только по талонам. Очереди –

как к мавзолею Ленина на Красной площади, вдоль Кремлёвской стены.

Смельчаки брали прилавки штурмом, пробираясь буквально по головам.

В результате хорошо организованного дефицита, водки на всех катастрофически не хватало.

Однако нас, курсантов Высших Алкогольных Курсов, «выалкашников», проблема дефицита касалась совсем по-другому.

Руководила курсами Полина Георгиевна Хорошевская.

Красавица, крашенная блондинка, принципиально незамужняя, ах, влюбчивая и страстная. В этом я убедился на собственном опыте.

Она, как тогда говорили, сразу положила на меня глаз, после того, как на первой лекции я, единственно смелый, задал ей вопрос:

- Скажите, а способствует ли алкоголь улучшению взаимоотношений между мужчиной и женщиной?

- Способствует! Да ещё как! – воскликнула она.

И стала заниматься со мною по индивидуальной программе, гармонично сочетающейся с общей программой обучения.

В конце концов, она так в меня влюбилась, что сделала предложение выйти за неё замуж и остаться в Москве.

Все два месяца я тянул с ответом.

Полина Георгиевна была прекрасным теоретиком и практиком.

Она организовывала рейды курсантов по торговым точкам, стоянкам такси и по квартирам.

Прикинувшись простыми потребителями, мы изымали палёную водку у продавцов и таксистов.

Предъявив удостоверения курсантов, мы изымали змеевики из самогонных аппаратов у народных умельцев, занимающихся изготовлением первача в домашних условиях. Мы производили органолептические исследования изымаемых жидкостей, то есть просто пили и говорили, хорош или нет напиток. А потом, веселясь, составляли протоколы для привлечения изготовителей к административной или уголовной ответственности.

Это Полина обучила меня пить и казаться трезвым.

Это Полина обучила меня заниматься любовью и притворяться влюблённым.

Это Полина вручила мне диплом с отличием и направление на должность Секретаря по идеологии в Краснопресненский райком партии столицы.

Это Полина, когда я сказал, что не люблю её и не желаю больше притворяться трезвым, а тем более – влюблённым, отобрала у меня партийный билет, диплом и направление...

А когда я вернулся в родную газету «Абаканский трезвенник», это Полина настучала на меня, после чего я оказался безработным и фактически на улице, потому что и из партийного общежития прекрасного нашего сибирского города Абаканска меня выселили мгновенно.

И вот, когда стоял я, нищий, голодный и совершенно трезвый у паперти Покровского храма с протянутой рукой, подошёл ко мне настоятель храма отец Порфирий и произнёс:

- Как зовут тебя, сын человеческий?
- Александром,- ответил я пересохшим голосом.

- А не тот ли ты Александр, который пострадал от коммунистов, когда окончил Высшие алкогольные курсы?

- Тот самый, батюшка!

И взял меня отец Порфирий за протянутую холодную мою ладонь, и провёл в храм Божий, и покрестил меня, атеиста, безбожника, в веру христианскую, и сделал меня своим пресекретарём, сказав:

- Ну, вот, что, Александр, сын Божий, будешь ты теперь жить со мною рядом, в отдельной келье Свято-Преображенского монастыря, что на берегу Енисея. И станешь обучать меня всем тем премудростям, которыми тебя обучили в Москве!

И преобразился я.

И согласился.

И за две недели обучил отца Порфирия искусству пить и не пьянеть, то есть притворяться трезвым.

Сколько лет прошло-пролетело с той поры!

И где та атеистическая страна, в которой я жил?

И где та КПСС и её ВПШ?

И где Николай Рубцов, убиенный супругой своею?

И где отец Порфирий, который разглядел меня, убогого и одинокого, среди рабов Божьих? Меня спас, а сам, увлѣкшись, сгорел в Геенне Огненной...

И где тот век двадцатый, с Рождества Христова?

Вот он, двадцать первый, - на дворе монастырском, где я до сих пор дрова рублю для монашеской братии, в колокола бью и, глядя на холодные воды протекающего мимо отрогов Саянских Енисея, радуюсь, что Господь наш милостив ко мне, и до сих пор жив я и здоров..

Вот, услышал недавно по радио, что депутаты Государственной думы новую кампанию по борьбе с пьянством и алкоголизмом затевают.

И вспомнились мне московские курсы.

Два поколения, почитай, уже народилось и сменилось, не грех и припомнить дела давно минувших дней, после которых я сам ни капли спиртного в рот не беру да и другим не советую.

ЧУЧЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Позвонил киллер и сказал:

- Завтра буду вас убивать.

Для этого вы должны быть в 14 часов на Копыловском мосту. Об остальном я позабочусь.

Сердце моё учащённо забилося...

Как! Завтра! Так быстро? Неужели срок настал?

Я позвонил ректору медицинского института, главному врачу скорой медицинской помощи и Виталию Огаркову, художнику-таксидермисту.

Они были уже в курсе.

Всю ночь я не спал.

В окно светила полная луна, чётко освещающая мои мысли.

Да, прошло ровно 15 лет с того момента, когда я продал душу Дьяволу.

В 1991 году рухнул в стране тоталитарный коммунистический режим, распалась империя СССР – Союз Советских Социалистических Республик, радиозавод, работавший «на оборонку», закрыли, и я остался безработным инженером, никому не нужным, нищим и потому несчастным.

Жена тут же от меня ушла, заявив, что я был, есть и буду неудачником.

Приватизированную квартиру пришлось продать, разделив деньги пополам.

И стал я человеком без определённого места жительства.
БОМЖ

И когда правительство неожиданно объявило дефолт, и деньги обесценились, оказался я у церкви, на паперти, на Бога уповающий.

Стою, прошу подаяние.

И тут ко мне подходит мой старый школьный друг Виталий Огарков в образе Дьявола и говорит:

- Степан! Какая встреча! Давно не виделись! Что ты здесь делаешь?

- Да вот, христарадничаю.

- Кончай это гнусное дело! Пойдём ко мне в мастерскую. Это недалеко.

- Так ты мастер?

- Мастер! И ещё какой! Художник-таксидермист. Чучельник, если по-русски. Делаю чучела зверей и птиц - орлов, ворон, чаек, волков, рысей, медведей... И Москва, и Заграница просто в восторге. В общем, процветаю. Хочешь, твоё чучело сделаю? – засмеялся Виталий. – Ну, не прямо сей момент, а через 15 лет.

- Шутишь?

- Какие могут быть шутки в наше непростое и трудное время? Соглашайся, богатым человеком станешь.

Посидели мы с ним в мастерской среди неподвижных зверей и птиц, водочки попили.

Захмелел я с голодухи и согласился.

И составили мы договор, по которому я через 15 лет отдаю своё сердце спонсору, скелет – медицинскому институту, а мышцы и кожу – ему, Виталию таксидермисту.

Подписал договор – и зажил припеваючи.

Вселился в новую квартиру.

Женился на новой молодой жене.

Зарегистрировал свой бизнес по ремонту и продаже со-
товых телефонов...

И забыл, счастливый, о времени, в котором живу.

И пролетели 15 лет, как 15 минут.

Луна передвигалась по тёмному безоблачному небу,
освещая мои мысли.

Жена, ничего не подозревающая, лопотала что-то дет-
ское во сне.

А я слушал биение своего уже не принадлежащего мне
сердца и повторял:

- Как же так? Как же так? Как же так?

- Что-то ты сегодня бледный какой-то? - спросила жена
утром. – И не поел ничего.

- Да не хочется, - сказал я, - пойду пройдусь по свеже-
му воздуху, может, аппетит и появится.

- Когда вернёшься? – спросила она.

- Не знаю, - сказал я.

И до 14-ти часов гулял по городу, пока не оказался на
Копыловском мосту.

Высоко! Посмотришь вниз, на мчащиеся автомобили, -
голова кругом идёт.

Стою, держась за перила, гляжу, а ко мне Виталий
Огарков с каким-то квадратным мэном направляется и го-
ворит, улыбаясь:

- Без паники! Знакомься, Степан, это твой киллер.

И спустились мы втроем с моста, я в центре, они по бо-
кам, на проезжую часть улицы, и вынул киллер из-за пазу-
хи пистолет с глушителем, и приставил к моему правому
лёгкому, и беззвучно выстрелил...

Откуда ни возьмись подъехала вдруг машина скорой
помощи, и меня, истекающего кровью, привезли в БСМП –
Больницу скорой медицинской помощи.

Операционная. Два стола. Две бригады хирургов.

И на одном столе ждёт уже меня мой незнакомый благодетель, мой спонсор.

Рассекли хирурги лазерными скальпелями его грудь и мою грудь, и вынули из грудной клетки его старое дряблое сердце, и пересадили ему моё молодое, здоровое...

И покинула душа моя, Дьяволу проданная, земную оболочку...

И сделал Виталий Огарков из меня чучело, а скелет мой, скреплённый до мельчайших косточек железными скобками, отдал в медицинский институт, чтобы, как и было договорено, изучали по нему студенты строение человека.

И стал жить спонсор с моим сердцем в коттедже на берегу Средиземного моря.

А перед входом в коттедж, под стеклянным колпаком поставил моё чучело.

- Кто это? – спрашивают его крутые высокопоставленные гости.

- Это? Это мой донор, - отвечает хозяин, радуясь гостям и мягкому средиземноморскому солнечному дню.

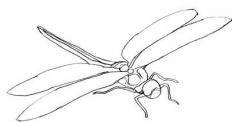
А жена моя молодая, вдова соломенная, спиритизмом увлечённая, вызывает каждой ночью меня, без вести пропавшего, сама с собой разговаривает. Узнать всё про меня хочет.

Вот и пришлось мне составить рассказ этот для сеансов столоверчения.

Пусть прочтёт и успокоится, и может, не будет тревожить после этого душу мою грешную.

Николай Ерёмин
Красноярск nikolaier@mail.ru

МАКСИМ ЦАРИКОВ

Русь - моя судьбина,
Пыльная дорога,
Позади - кручина,
Впереди - тревога...

Что с тобою будет?
Что с тобою станет?
Колокол разбудит?
Бездуховность ранит?

Но не отвечает
Русь, молчит, как прежде,
Ветками качает
И смыкает вежды...

Древность сосен бора,
Дорожная разметка...
Тишина, лишь ворон
Раскачивает ветку...

И, сквозь время словно,
Изнутри - наружу,
Со стены церковной
Уплывают в душу

Если Буду Жив

Лики с древней фрески,
Русские просторы,
Степи, перелески,
Тихие озера...

Русь - моя дорога -
Мчится к звёздам, мчится...
Ты - одна у Бога...
Что с тобой случится!?

Путь сибирский, путь кандалный,
Ни поесть, ни отдохнуть.
Крестный путь души печальной,
Иногда - последний путь...

Палачи. Собачьи своры.
Крики: "Встать! Назад! Молчи!"
...А по тракту шли актёры,
Воины, певцы, врачи...

Шли священники, поэты,
Шёл ограбленный народ...
Часто биты и раздеты,
Шли, держась за небосвод.

Шли по водам, шли по суше,
Истончаясь от труда.
Здесь изломанные души
Замерзали навсегда.

Замерзали - не вставали.
Вдоль по тракту - вороньё.
Палачи, смеясь, кричали:
"Стройся! Каждому - своё..."

Эх, свобода ты, свобода,
Делишь свет, как спектр - лучи.
Есть две грани у народа -
Узники и палачи.

Почему одни сгнивают,
А других - не соблазнить?
Стонет доля снеговая,
Тянется дороги нить...

Смерть - конвейер. Жертвы - будут.
В холоде, в грязи, в пыли,
В жернов брошенные люди
Вдоль по тракту шли и шли...

Звон суровый, звон железный...
Липли цепи к наготы.
Гибли души от болезней,
Гибли души в нищете...

...Властью мы в Сибирь ссылались...
Кто - сбежал, кто - умер тут.
Дети наши здесь рождались
И живут в снегах, живут...

Пашут, пьют и даже пишут
Песни, прозу - как всегда!
В их твореньях Север дышит:
Зоны, тундра, глыбы льда...

Их мечты - о тёплых странах:
Море, Солнце и вино!
Им забыть бы о буранах,
Да уж, видно, не дано...

...Познали мы зло и добро -
И рай раскололся на части.
И вот, на осколках миров
Мы ищем пропавшее счастье.

Мы ищем в себе и вокруг,
Трудов постигая бесцельность,
И времени замкнутый круг
Дробит наших душ запредельность.

Как жернов вращается он,
От праха руду отделяя,
От нас оставляя лишь звон
Осколков разбитого рая.

Когда он в труху перетрёт
Грязь нашу и несовершенство -
Обрушимся мы в небосвод,
Вернув себе рай и блаженство.

...Прозренье пришло к нам во мгле,
В страданиях духа и тела...
... Короткая жизнь на земле...
Мы терпим её
до предела...

Когда-то закончится действо,
Негаданно включится свет,
И чье-то премудрое детство
Созреет для сладких бесед,

И сами откроются шторы,
Скрижали, дверные замки,
И сами собою просторы
Начнут поднимать потолки...

И книги напишутся сами,
И сами стихи прозвучат,
И сами хрустальные сани
В бездонное небо умчат,

Развеется непостоянство
Пылинками в звездной дали, -
И мы возвратимся в пространство,
Закончив все то, что смогли...

А ты знаешь, что скоро
я от горя умру
За окном будет холодно поутру
Были мы слишком разными - Бог с тобой
Но всегда наступает время -
Команда "отбой"
Посмотри фотографии
прежних лет
Там, казалось, можно
уйти в рассвет
Но промчалось лето
И навалилась тьма
Я всю долгую осень
ждал от тебя письма

Если Буду Жив

В час, когда осыплются листья,
Я покину эти города,
И мои дороги и мосты
Тихо скроет вечная вода.

Прошумят под небом времена,
Поднимая волны на воде,
Я увижу это все со дна
И спою стихи своей звезде.

И уйдут подводные слова
Вверх, из сокровенной глубины,
Отряхнут сырые рукава
И опять нарушат чьи-то сны.

Растревожат сладостный уют,
И проснутся жители болот,
И корявой поступью пойдут
Посмотреть на тех, кто им поет.

Заарканят песни-скакуны,
Оседлав, прибьют им сталь подков,
Вот и все. И переведены
На десятки разных языков.

И пройдут по дымным городам,
И устанут жить в земной пыли,
Петь себя откормленным стадам,
И придут домой, как короли.

Скажут: "Дай напиться нам, отец,
Переводы мы твоих детей,

Мы домой вернулись наконец,
Утоли нам жажду, да скорей".

Весело попадают мечи,
Прокричит примятая трава,
А над ней, как скрежет, прозвучит
Речь чужая - странные слова!

Твердые, литые, как скала,
Грубые и режущие слух,
Городов кривые зеркала
Исказили в них отцовский дух.

Разве так я пел своей звезде?!
Разве я дарил чудовищ ей?!
Отраженья мрачные в воде
Зачеркни и волнами рассей!

Души их суровы и горды,
Голос беспощаден, как приказ,
Я отвечу тихо, из воды:
Отойдите,
Я - не знаю вас...

Я знаю всё, что дальше сбудется
Вы все - творения Мои
Вселенная - и Храм, и Кузница,
Вы - творчество Моей Любви...
Увы, Я не могу без этого -
Без творчества душистых масс
Но прежде чем уснёте в Свете вы
На крест,
На крест пошлю всех вас...

Если Буду Жив

Если в доме нет вина -
 Значит, в доме есть жена
Если в доме есть жена -
 Значит, в дом пришла война
Люди похоти полны
 И не могут без жены...
Заходи-ка, медсестра
 Будем пить мы до утра
Вместо теста - лёгкий флирт
Вместо жизни - чистый спирт

Был я богом давно
Но, спустившись на скалы
Я бросал на пустынные камни зерно
Результат был ничтожен -
 довольствуясь малым
я привык ко всему -
 мне теперь все равно

Все равно,
 что словесные дети, как зори
Разгорались и чахли
 не трогая душ
Все равно, в распечатке
 И в солнечном море
Превращалась мелодия
 В черную тушь...

...Скажут: жил исполин,
 управлявший огнями
Непонятен и мрачен,
 исполненный сил

Пил он собственный мёд
и холодными днями
Напечатанным Словом
печурку топил...

Когда погибнет бренный мир (пустое дело)
Я стану богом и уйду в свои пределы.
Свой череп в чашу превращу я для елєя
А тело тленное сожгу и прах развею
Подвешу к звёздам на цепях ковчег дубовый
И будут сон мой охранять большие совы
И наслаждаясь сном своим - заветным раем
Там буду я совсем один, недосыгаем

И там возможно спать всегда сном небывалым
И будет темная вода мне покрывалом

Там, где мы делили сны,
Нынче тишина.
И в пыли лежат, темны,
Половинки сна.
Половинки сна, что был
Самым неземным,
Что объятия дарил
Только нам одним.

...Небосвод был, как вода,-
Мы шагали вброд
И смотрели без труда
Далеко вперёд.
И звезда светила нам
В мире, полном тьмы,

Если Буду Жив

Пробегаю по волнам
Там, где были мы.

...Не вернуться нам туда,
Где шумели дни,
Где остались навсегда
Вешние огни,
Где и грезилось легко,
И легко спалось,
И шагало далеко,
Смело, "на авось"...

...А сейчас - безмолвно так
На душе и вне.
Чертит сумрак тайный знак
Чернью на окне
Там, где колокол гудит,
Разгоняя сны,
Где петух опять бранит
Жуткий лик луны,
Где стихают города
В этот строгий час,
Где опять горит звезда
Только
Не для нас...

Мы в небе рождались безбрежном.
Мы падали в землю, как зёрна.
Росли, вспоминая всё реже
Тот мир, ослепительно-чёрный,
В котором сверкали светила,
Подобные снам драгоценным,

В котором нас животворила
Словесная, звёздная пена...
Мы чёрствые корки не грызли,
Не знали очков и моторов.
И были нам крыльями - мысли
А небом - Вселенной просторы...

...Мы жили в сиянии грозном,
Людей - небожителей раса...
Теперь - мы забыли о звёздах.
Теперь
 мы питаемся
 мясом ...

Теперь наши спутники - крысы.
И путь нас ведёт на погост...
И смотрим мы с грустью
 сквозь линзы
На вспышки
 далёкие
 звёзд...

Раскрывались пергаменты книг,
И звучали слова в пустоте,
Длился вдаль нескончаемый миг,
Приближаясь к заветной черте.

У черты, невесомо, едва,
Замирали людские стада,
И ложились на душу слова,
Словно в пыльную почву вода.

Если Буду Жив

Разноцветной дугой в облаках
Зависали слова над землёй,
Растворяя и горе, и страх,
Ослабляя и сухость, и зной,

С небесами вводили в родство,-
И душа становилась чиста,
Возрождалось в душе божество,
Расцветала в душе красота.

Распускались побеги души,
Покрывались медовой росой,
Вновь хотелось и верить, и жить,
Наслаждаться небесной красотой...

Распадались оковы оков,
Отпадали и гадость и гной,
И, пронзённый сиянием слов,
Человек
 становился
 собой.

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Бабочки бесстрашные
направлялись в пламя
И безумство храбрых
 славили словами,
Пламя было небом,
 Богом - было Слово,
Слово говорило им,
 что ничто не ново...

Слово тихо пело им
о былом и разном,
О том, что только гордости
нужно опасаться,
И о том, что жизнь души -
это вечный праздник,
Нужно лишь расслабиться
и не напрягаться.

А ещё была вода,
вечная, хмельная,
Дали душам волюшку -
головы вскружило.
Говорило Слово,
что Богом - не играют
И что гордость
душам
выроет могилу...

Как же было хорошо
в этом вечном лете!
Бездна во все стороны
пела и сверкала.
Было душам радостно
в необъятном свете,
Лишь одной душе
всего
показалось мало...

Ангел, самый сильный,
мудрый и красивый,
Самый - самый светлый,
любимый и счастливый,

Бросился на пламя,
Богом быть мечтая...
Тихо пепел сыпался,
дна не достигая...

Бабочки бесстрашные
направлялись в пламя
И безумство храбрых
славили словами,
Так восстали ангелы,
согрешили люди...
Слово рассказало им
обо всём, что будет.

А вокруг сверкали
облака огромные,
Были все творения
бессмертными,
вечными,
Загрустили - светлые,
Засмеялись - тёмные,
Не боялись гибели
бабочки беспечные!

Опьянели существа
от свободы воли,
Были вечною водой,
как вином,
согреты,
Чётко отыграли
выбранные роли,
вот и всё, что было,
вот и песни спеты...

Сколько дров наломано
и узлов накручено,
Где теперь бывшие сны,
братья да товарищи,
Знает лишь Вселенная
да Господь замученный,
С высоты глядящий в души
и Своих спасающий.

А потом был Страшный Суд,
злых осуждение,
Мусор в кучу сволокли,
муть и тину тленную,
Изолировали гниль
в зоне отчуждения
И, не торопясь, пошли
заселять Вселенную

...Всем, воскресшим в Господе,
можно жить, не маясь.
Навсегда Добро освободило
территорию.

И смотрели светлые,
как в небе начиналась
Утекая в бездну,
Бесконечная
История...

Тихо ночь морозная стояла,
Осыпались звёздные дожди...
Девушка Ребёнка согревала,
Прижимая ласково к груди.

Где Ей знать, что бездна слёз и горя
Вскоре Её сердце будет рвать,
Что дано Ей превратиться вскоре
В старенькую плачущую Мать.

Где Ей знать, как Слово воплощалось,
Как был страшен этот тайный миг
Слова, что, страдая, облачалось
В тяжесть человеческих вериг.

Стала бrenным телом Слова сила,
Чистая энергия небес
Ждущих Слова тихо обожила,
Чтобы каждый жаждущий - воскрес...

...Вот Оно лежит перед Тобою,
Радуюсь заботе, теплоте,
Слово совершенное, сырое,
В дивной, первозданной красоте.

Отдохни, напой тихонько песню,
Убаюкай Сына, улыбнись,
Вместе с Ним умрёшь Ты и воскреснешь,
А потом взойдёшь звездою ввысь...

...Скоро подрастёт, уединится,
Станет не совсем понятен Он
И в слепой от роскоши столице
Схвачен будет, бит и осуждён.
Тяжкий крест - с небес, в глухую глину,
Слово изначальное нести...
Выкорми Собой, Мария, Сына,
На ноги поставь
И отпусти...

Когда любовь волной нахлынет,
Звезда на небе разгорится,
Душа, дремавшая доныне,
Споет непуганую птицей,

Священные сойдутся числа,
Звезда сверкнет, танцуя с пеньем,
И все вокруг лишится смысла,
Что не относится к свеченью.

Душа, согретая надеждой,
Споет о тайном, неизвестном,
Так упоительно и нежно,
Так неслучайно и чудесно,

Душа, коснувшаяся рая,
Как осень, после зноя лета,
Летит, искрясь, напоминая
С пути сошедшую комету...

Душа, коснувшаяся счастья,
Сияньем неземным объята,
Живёт в его всесильной власти,
Собой являя то, что свято.

Небо ждёт. Всё ярче огни.
Все быстрее катятся дни,
Все сложнее, тоньше душа
Все трудней труды завершать.

Этот нежный профиль в окне
Нужен был лишь вчерашнему мне

Если Буду Жив

А грядущему - ленты дорог...
Восходящий дух - одинок.

Позади больная мечта,
Душный сон, игра, маета,
Скоро профиль смоят дожди,
Не судьба, прости, не суди,

Эх, зачем я душу губил,
И зачем мечтанья любил,
Отчего не верил в Эдем,
И не верил в Бога зачем?

Я же видел суетность грёз,
То, что верят, но не всерьёз,
То, что мудрость исходит от бед,
То, что сны погубит рассвет,

Что любовь разобьётся о быт,
Превращая сердце в гранит,
Что, купаясь в новой весне,
Позабудешь ты обо мне...

Пришла пора уйти в нирвану
И пить горячий шоколад
Я наполняю миром ванну
Как много тысяч лет назад

Я не аскет, не царь не воин
Не фарисей и не пророк
Я ничего не удостоен
и я - блаженно одинок

...Прошли года,
Сменились нравы
Щитами, копьями звеня
Да, да, конечно, все вы - правы
Но вы - не знаете меня:))

Душны тропические ночи,
Ползущие на крыльях юга,
Они чернее и короче,
И в их глазах - такая мука...

Такое темное томленье,
Такое жадное желанье,
И дни бегут - бега оленье,
Благое облагая данью.

Благое терпит мира крики
И встречных, суетных, речистых,
Они больны для глаз, как блики,
Как резь разбойничьего свиста,

Они шумны и торопливы,
Они забыли о пределе,
Который обнажает ивы,
Тенями выделяя ели,

И в день, когда уходит лето,
Домой, в тропические страны,
Колонны солнечного света
Стекают в чистые поляны,

Если Буду Жив

Слабея, водят хороводы,
Уже ничто не обжигая,
И осыпается природа,
И что-то шепчет,
засыпая...

...Так сладок дым над отчим домом -
Ядрёный, с привкусом смолы.
В его клубках, сверкая хромом,
Позвякивают кандалы.

И надышавшись вволю дыма,
Среди свобод и несвобод
Геройски и непримиримо
Живут 'идущие вперёд'.

...Страна давно в плену у бесов -
Идёшь вперёд? Взгляни назад!
Здесь не умеют жить без стрессов,
Да, в общем-то, и не хотят.

И победив себя с кряхтеньем -
В своём уме, своём огне -
Здесь пьют, полуобнявшись с тенью,
И забываются во сне.

...Но даже в снах сверкают путы,
Пугая, путая пути
Страны, где любят слово 'круто',
Где круче слова - не найти,

Где жить боятся по-иному
Среди ретивых стукачей,

Страны дремучих дуболомов
И хватких, умных сволочей,

Где люди, словно перед казнью
И перед гробовой доской,
Глядят в грядущее с боязнью,
Глядят в прошедшее с тоской.

Напившись, верят простодушно,
Что время не оставит ран,
И, пожирая хлеб насущный,
Глядят в мерцающий экран -

Туда, где правда голубая
Чему-то учит дураков,
Мерцаньем света вдохновляя
И пауков, и мотыльков.

...Поэт! Не трожь тревожной лирой
Успевших выпить и уснуть.
Им снится свет в окне сортира,
Желудочно-Кишечный Путь...

Я стар, я устал, я от стада отстал -
От стада, идущего вместе...
Идущие - бодро чеканят металл
И делают крылья из жести.

И верят - те крылья до звёзд донесут
Разбросанных Богом по небу,
Ещё они верят, что Правда и Суд
придуманы им на потребу,

Ещё они верят в символику, флаг
В дремучие верят поверья
А сменится курс, или вождь, или враг,
То жёсть поменяют на перья.

Наверх поднимаясь и веря в своё
Бронируя лбы и колени
Наступят на душу и плюнут в неё
А прах - замуруют в ступени

Они молоды, оптимизма полны,
Умны от рожденья до гроба.
Они побеждают, не зная вины...
...Я прячусь от них, глядя в оба.

Я стар, я отстал, я безмерно устал,
Что мне оптимистов мечтанья?
И, чтобы летать, мне не нужен металл,
Поверья, мечты, заклинанья...

Все люди сорвались с привычных осей
Приветствуя новую эру...
...А мне бы уснуть, как уснул Моисей
Уйдя в потайную пещеру...

Пасха Христова... Светлые дни...
Отдых... Но люди - безумны они!
В бешеном ритме, с жаждой успеть
Не прекращают пыhtеть и потеть.
Драют, стирают - всё, как всегда!
Строятся планы, брызжет вода...

Мир - это улей, но в сотах не мёд -
В них суета громогласно живёт.

... Где-то за стенкой - грохот корыт,
Вновь возле дома помойка горит,
На потолке - затопления след,
Снизу - свирепствует с дрелью сосед.

...Всё это жизнь... Но увы - мы умрём
И новосёлы заполнят наш дом...

Будет застолье, песни и смех,
Тосты за будущее, за успех,
Бряцанье вилок, хмельной перепляс...
Боже! Но всё это было у нас!

...Впрочем, мы живы. В нас есть ещё свет,
Дрель дребезжит и доволен сосед...

Пасха Христова. Светлые дни.
Боже! От мира Ты нас сохрани!
От лжепророков, от лжесвятых,
От лицемерных правителей злых.

Мы ведь открыты, не защищены,
И только с виду сильны и умны.

...Новые войны маячат вдали...
...Старые кости белеют в пыли...
Сильные мира "За Родину - Мать"
Снова погонят солдат умирать!
Снова ударит в затылок приклад,
Снова построится заградотряд,
Вновь будет грозным и глупым приказ...

Если Буду Жив

Боже! Но всё это было у нас!!!
Или у дедов... Они - это мы.
Боже! Спаси от войны и тюрьмы!

... Впрочем, мы живы. И улей наш цел.
Ночь. Стихла дрель. И сосед захрапел...
Храп – громогласней, чем электродрель!

С Богом, братишка!
Сверли свою щель...

ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

...'Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны' -
Гроыхает вокруг пропаганда -
Миром правит лукавая банда...

Ложь-попса заполняет крикливо эфир,
Отравляя собой разложившийся мир,
Это чудище обло, стозевно,
Ну, а истина спит, как царевна.

.....
... А разбудишь царевну горячей мольбой -
Вмиг братки - дзюдоисты придут за тобой,
Всех замочат, улики припрячут,
Всю историю переиначат.

И история, сделав виток,
Сталинизмом ударит в висок,
И опять очумелый народ
В рай земной
под кнутом
побредёт...

Белая, белая метелица
Крутится, вертится, стелется,
Покрывая веси серебром...
Где же ты, где, моя далёкая,
Грустная сказка одинокая
С неизбежным светом и добром?

Где же ты, где, моя хорошая,
Где-то за пушистою порошею,
Странная, красивая, как сон,
Где-то за деревьями белыми,
Чистыми и заиндевелыми,
Где-то за узорами окон...

Где же ты, где, моя любимая,
Где-то за искрящимися зимами,
Где-то там, далёко-далеко...
Добрая, спокойная, смиренная,
Как вода живая - неизменная,
Что в ладонях плещется легко,

И узнав твою душу чистую,
Словно лучик солнца, золотистую,
Как положено, я сойду с ума,
Обойду весь свет, горы с долами,
Веси с городами и селами,
И вернусь в знакомые дома.

Белая, белая метелица
Крутится, вертится, стелется...
Никуда не нужно уходить.
Где была ты, мудрость пьянящая?

Если Буду Жив

Чтобы видеть всё по-настоящему,
Злато, под ногами лежащее,
Жизни странно связанную нить...

Улетели розовые птицы,
Облетели золотые рощи,
Позади июньские зарницы,
Жить печальней, но намного проще,

Отболели годы, отгорели,
А потом не стало даже дыма,
Вот мечты и жизненные цели,
Поискав меня, проходят мимо...

Вот друзей могилы скрыли вьюги,
И в снегах надгробья затерялись...
Глупые, увядшие подруги
В жизни брэнной разочаровались.

И, как прежде, споря и мечтая,
Тянут повседневные оковы.
Календарь худеет, облетая,-
И у всех, и здесь - ничто не ново.

Все прозрачней, тоньше, отрешённой,
С гор видны кипящие долины,
Странные, бесовские законы,
И трудами согнутые спины.

В детстве были все дома большими,
Жизненные цели - так манили!
И, цепляясь пальцами своими,
Больно-больно душу теребили...

Счастье - если ничего не нужно,
И тогда прийти в себя возможно,
Помолиться тихо и радушно,
К звездам прикоснуться осторожно.

Мечутся, сверкая, метеоры
На похолодевшем небосводе,
Стекла скрыли снежные узоры.
Спи спокойно, сердце, все проходит...

...И был для греков Крым землёю мрачной,
Далёкой и холодной. Бездна Понта
Под кораблями глухо шевелилась
И пенилась, чернея, и вскипала,
Когда шторма сезонные ревели,
Срывая паруса, ломая мачты.
...Сюда сбегали впавшие в немилость...

...Потом был Рим... И Крым служил для римлян
Колонией далёкой, местом ссылки,
И римские наместники грустили,
Когда служить в Крыму им доводилось -
Ведь иногда случались тут метели,
А по степям разбойников немало
Носилось, и пылились горизонты...

...Потом прошли ещё тысячелетья,
И новая империя возникла...
В двадцатом веке захватили бесы
Империю и, всё опутав сетью
Лукавых снов и страхов, удавили

Если Буду Жив

всех несогласных. Круг замкнули цикла
'День - ночь', 'Либерализм - диктатура'.

...Но Крым при этом стал курортным местом,
Где паханы партийные лечились
И их рабы, согласные с вождами...
А те, что находились под арестом,
Ссылались, как всегда, на дикий север.
Но Крым в те времена уже был 'югом',
А север был всё дальше, с каждым кругом...

...Теперь и Красноярск - не место ссылки.
Бывает здесь и лето, пусть недолго.
Но пальмы в кадках есть, фонтаны, пляжи
Похожие на лежбища тюленей.
В воде - мальки, пакеты и бутылки,
И бледные, похожие на тени,
Пловцы. И облака в пыли и саже...

А северней - Норильск. Там роют норы
Деньгами озабоченные люди.
Но, правда, не лукавые, не злые,
Полезные создания - шахтёры...
Сверхприбыль принося вождям на блюде,
Пытаются и сами заработать,
При этом очень много пропивая,

Поскольку души их светлы, бессмертны,
Судьбе червеобразной неподвластны...
Они, страдая, пьют. Они не знают,
Что выжить только с Богом в этом мире
Возможно, даже в мрачных подземельях,
Где, твердь грызя железными зубами,
Шахтёры заработают на зелье,-

И, выйдя вверх нетвёрдыми шагами,
Пойдут сквозь вьюгу, что ревёт и лает,
Пойдут, глаза прикрыв, сквозь ночь и время,
Сквозь звёзды, заметённые пургою,
Сквозь ругань Морзе в радиоэфире...
И, на ларьки руками натыкаясь,
Накупят водки, чтоб забыть печали...

...А я заметил - если не работать
Столь напряженно - то и пить не нужно.
Нет стрессов - не нужны и релаксанты!
...Бывало, в Крым уедешь на полгода
А там - весна и лето. Ночи вьюжной,
Полгода завывающей, там нету,
И мерзлоты... Весёлая природа!

Там виноградник тянет лозы к свету,
Жару взрывают трелями цикады,
В горах шумят прохладой водопады,
И птиц ночных в лесах звенят рулады,
И плющ ползет по скалам выше, выше...
И в воздухе ночном, в горах, шуршат
Огромные летающие мыши.

...В Крыму, на пляжах, давка. Там шахтёры
Норильские в три смены отдыхают,
В короткий отпуск запихнуть пытаюсь
Всю жажду жизни, всю мечту о свете.
...Пьют не массандру - водку пьют - привычка!
Проходит отпуск... Им в пещеры скоро.
Шахтёров угнетает мысль о клети...

...А если не работать, как они,
То можно скромно, долго жить в палатке

Если Буду Жив

И, наслаждаясь созерцаньем мира,
Души свеченье отражать в тетрадке
И наполнять особым светом дни,
Купюрами тугими не швыряясь,
Питаюсь тем, что Бог пошлёт и море,

И по ночам, с сиянием во взоре
Смотреть, как плоскость Млечного Пути
Искрясь, над головою проплывает.
Точнее - под ногами. Лёжа на
Вершине горной, понимаешь чётко
То, что душа - вселенная без дна,
Что ей нельзя без Господа и рая
И что от страхов - не спасает водка.

...Люблю в горах я слушать, как ветра,
Перебирая заспанные травы,
Твердят, что были эллины неправы,
Что Крым - не север дикий, не дыра
Холодная и полная печали -
Ведь есть места суровей в этом мире!

И повернувшись в сторону Сибири
Я шлю туда воздушный поцелуй...

Каждый день, каждый дом
Мне даются с трудом.
Время медлит, как речка,
Что скована льдом,
Даже в снах я не вижу
Эдема сады.
Жизнь, от корки до корки -
Борьба и труды.

В этом мире - я раб
И мишень для штыка.
...За рукою рука,
За киркою кирка -
Миллиарды таких же
Бесправных, как я,
Жизни лёд норовят
Ухватить за края...

Наш всемирный хозяин -
Большой Капитал
Маскируется, лжёт
И сулит пьедестал,
И хозяева жизни
Наш высосут сок,
Чтоб его превратить
В драгоценный песок.

Так, песчинка к песчинке -
И слиток готов!
Будет выпита кровь
Миллиардов рабов...
Монстры выпарят золото,
Выпарят соль,
И останется в воздухе
Голая боль,

Напряжения мыслей
Натянутый лук,
Стон души, словно чистый
Страдания звук,
А когда остановит прогресс
Свой разбег,

Если Буду Жив

Сорок дней будет падать
На кладбища снег.

Он закроет весь мир,
Словно рану бинты,
Скроет фабрики, трубы,
Дома и мосты.
И когда околет
Последний злодей,

Будет сказочен мир
Без людей.
Без людей...

Железный мир ревел и плакал,
Уныло были провода,
За них цепляясь, в клубах мрака,
Стояла желтая звезда.

Самодовольно и растленно,
Со сладким ядом на губах,
Ползла, шипя, мирская пена,
Вселяя в души смерть и страх.

А души стыли и смеялись,
И предавали и ползли,
И ввысь камнями швырялись.
А там, в неведомой дали,

Ночами в темном небосводе
Дрожит молочная река.
А по утрам, как овцы, бродят
Опаловые облака.

И так приветливо, отрадно,
Журчит кристальная вода.
Туда уходят безоглядно,
Не возвращаясь никогда.

И никогда не скажет память,
Что было лучше, чем теперь,
И нить с нанизанными днями
Проста. А сделай шаг за дверь -

Увидишь бор, грибную сладость...
Избушки, храм - подать рукой.
Туда невидимая радость
Сошла и принесла покой...

Отпылали пьянящие зори,
Отгремели и бури и гром,
Необъятное вечное море
Успокоилось в небе ночном.

И пошли по земле пилигримы,
Разбивая о камни стопы,
Повторяя предвечное Имя
В постижении скрытой тропы,

Отойдите, бывшие печали,
Не тесните усталую грудь.
Манят странников дальние дали,
Не дают на тропе отдохнуть.

Все пройдет. Невозможно иначе.
Утомятся идти и терпеть,

Если Буду Жив

Отболеют свое и отплачут,
И уснут, прикорнув на тропе.

И уйдут за прозрачную осень,
Как за полог, в неведомый край.
Успокойся, душа, успокойся,
Не шуми, не страдай, не мечтай...

Затерялось редкое в неглавном,
На воде круги, искрясь, пропали,
И глазам обманчиво - забавно
Грезятся невидимые дали.

Где вы, где вы, крылья в человеке,
Что дрожат, в закате пламеня,
Где же вы, живительные реки,
Строгие, тенистые аллеи,

Где же ты, надежная ограда,
От пустых речей, пиров и зноя,
Тишины спасительной прохлады,
И уединение земное...

Сердце рвется к Богу, словно птица,
В чистые невидимые дали,
И в груди, волнуясь, будет биться,
Как звенящий колокол печали.

Звук его, как женщин плач на тризне,
Заунывен, тягостен и тонок,
И душа, в лесу дремучем жизни,
Плачет, словно брошенный ребенок...

Я шептал красивые слова...
У тебя кружилась голова...
Я тебя так нежно целовал,
Что о внешнем мире забывал.
Память начинала заживать,
Только...

Ты - тревожила опять,
Ты хотела знать, каким я был,
И кого сильнее я любил,
С кем я раньше был,
кого встречал...
Я смеялся тихо
И молчал...

В груди - холода и дожди...
И душе тяжело...
И я уношусь в неизвестное
Неторопливо,
К озерам, в которые ночь
Опускает весло
И тихо мешает
Забытые мною мотивы.

Так было не раз.
И покуда я весь не взойду
Туда, где страданье
И горечь обиды лишь снится,
То озеро будет приютом,
Попавшим в беду,
Где души горюют,-
Ночные, уставшие птицы.

Если Буду Жив

Но как же печально всегда
Вспоминать о былом,
В тот час, когда звезды высоки
И мысли велики.
Так тихо и благостно
Вечность качает веслом,
И стаями бродят по озеру
Лунные блики...

А завтра придется продолжить
Нелегкий исход,
Не стоит об этом...
Довольно и крови и дыма...
Господь отдышаться от смрада
Любимым дает
И слезы стирает прекрасно
И неувовимо.

Так радуйтесь Свету,
Несущие бремя вины,
Покуда есть слёзы
И горечь бывшего обета,
Покуда сомненья блуждают
В узорах луны
И дарят прозренья
В сиянье внезапного
Света...

Спи, моя сторонка,
Спи, моя страна,
Кончен труд.
К тому же -
Больше нет вина.

Умерли заботы.
Победил их сон.
Листья золотые
Сыплются из крон...

Час кормить деревья,
Собирать плоды,
Это - утром.
Нынче - умерли труды.
Спи, моя сторона,
Спи, мой край родной,
Дети подрастают,
С ходу рвутся в бой...

Говорил им:
"Дети! Видите пути?
Выберут они вас,
Вынудят идти.
Не сопротивляйтесь,
Закаляйте дух!
Зря не напрягайтесь,
Не страдайте вслух,

Будьте осторожны
В мире и в душе..."
...Но они смеются -
Выросли уже!
И они не верят
В то, что жизнь - игра
В то, что завтра будет
То же, что вчера.

О большом мечтают,
Прилагая труд...

Если Буду Жив

...Здесь они - прозреют,
Здесь они - умрут...
Скажут: "Время - сети,
Доля - горький дым!"
Подрастут их дети -
Не поверят им...

Расцветает костёр в темноте,
Искры света летят в пустоте.
Здесь души тишина не грустит,
Здесь покой и Вселенная спит...

Спит и видит прекрасные сны,
А в озёрах её тишины,
Как цветы, расцветают миры,
Дружелюбного света костры.

...Мириады морей и озёр.
Расцветает душа, как костёр...
Если сможешь светить, как звезда,
То уже не умрёшь никогда.

Будет сердце искриться, мерцать,
Будет время, согревшись, стоять.
Это - вечный, живительный свет.
Кто без света, того больше нет...

Кто без света, тот смертен и слеп
И душа его - сумрачный склеп.
Если душу зальёшь темнотой,
Не услышит никто голос твой.

Не услышит и не подойдёт,
Ободряющих слов не споёт,
Не поможет, не встретит в пути,
Не успеет простить и спасти.

...Расцветает костёр в темноте,
Искры света летят в пустоте
Это осень рождает огни,
Поджигая опавшие дни!

Все печали сгорят, как листва,
И в пространстве возникнут Слова.
И тебя обогреют огнём...
В нём - твой рай,
Воскресение - в нём...

...В начале девяностых рухнул мир
И люди угодили под обломки.
Ворам досталась власть, делёж и пир,
А беднякам - тяжёлые котомки.

Вначале власть дробилась и дралась,
И отморозки "выбивались в люди".
Вначале власти было не до нас,
И мелкий бизнес наш бывал нетруден.

Теперь всех нас арканят, как тельцов,
И забивают клинья между нами.
"Верхи" - умны! И вот, в конце концов,
Нам всё трудней сводить концы с концами.

А хочется пожить, да не в мечтах...
Почувствовать себя почти свободным...

И вот опять в предвыборном бреду,
Продажными жонглируя словами,
Газеты, призывая нас к труду,
Твердят, что процветанье - "рядом с нами".

Мы - выживем. Нам это не впервой.
А нынче мы - расслабимся немного.
Как хорошо бросаться с головой
В раздумья о непроеденных дорогах!

...Я вспоминаю пляжные часы,
Когда в кругу друзей своих смешливых
Я смело дёргал раков за усы
И пил неспешно
 молодости пиво...

...Живи, лети, крылом касаясь
Планеты, что была звездой,
Где новосёлы, напрягаясь,
Свой пыл транжирят молодой

И где 'туда - сюда' движенья
Восприняты как Божий дар,
Где душ кривые отраженья
Меняют деньги на товар,

Где цель ПУТИ - не мудрость, Боже!
А нечто брренное, увы,
Где некому не стать моложе,
Где все по-своему правы

И потому - дерутся часто
Везде, но больше - у пивных,
Где люди, поднабравшись счастья,
Друг другу метят в рыло, в дых,

Где плещет жизнь водою в ступке,
Где среди зелени аллей
Торчат засохшие обрубки
Осточертевших тополей,

Где избирательные урны
У автоматов игровых
Под вопли музыки бравурной
Имеют старых, молодых...

...Живи, лети и улыбайся
Кивая тем, кто прав и слеп
Миры - раскрашенные яйца,
Вселенная - Пасхальный хлеб!

А если есть ещё и водка
То мы - прорвёмся, мы - пройдем!
Познав, что этот мир - находка
Для тех, кто борется со злом...

...Умрём, и вырвемся на волю
Уйдя из дьявольских сетей
А путь наш, полный грёз и боли -
Вновь повторится..
У детей...

Жизнь идёт... Уже не возвратятся
Дни, когда мы были так юны,
Умерли мечты, и реже снятся
Старые, как мир, цветные сны.

С чаек болтовнею над причалом,
С городом, пустеющим к восьми,
Освещенным светлыми ночами,
Населенным добрыми людьми.

Я пройду, по памяти шагая,
Обернусь - и не увижу след
Места, где сказал я ей: "Родная",
И замороженно ждал ответ.

Где сияли молодостью глазки,
И стихи струились просто так,
Там, где я рассказывал ей сказки
И увел в весенний полумрак.

Там, где пел про золотые горы
И про реки, полные вина,
Где слыхала наши разговоры
Молодая, шалая весна,

И открыв, сквозь тучи, в небо двери
Звездами подмигивала нам,
Улыбаясь, веря и не веря,
Этим вечным и привычным снам.

В час, когда рождаются стихи,
Перевоплощаются слова!
В час, когда сбываются стихи
Или намечаются едва...

В час, когда так хочется летать
И по-настоящему любить,-
Трудно это время не проспать!
Или в суете не пропустить...

Этот час так трудно удержать,
Словно радость юную невест,
В этот час по облакам бежать
Только тем дано, чей тяжек крест.

Все счета оплачивает жизнь,
Все дела, желанья и мечты,
И слова, слетающие вниз,
Посреди безмолвной пустоты...

И у тех, кто смотрит в черный свод,
В этот час кружится голова.
Время звездопада... Мой черёд
Собирать упавшие слова...

Не терзайтесь мыслями о том,
Почему сбываются они,-
Жизнь заплатит. Мы - переживем
Нами же предсказанные дни...

Возлюби, душа моя, Господа.
Полюби небесное пение.
Устремись, душа моя, к светлому,
Обрети свое воскресение.

Обрети шатры золоченые
Там, где жизнь течет настоящая.
Не нужны душе тени сонные,
Судьбы тленные, преходящие.

Не нужны под Солнцем темницы ей
И сады земные - желания,
Полетит душа белой птицею
К своему Творцу на свидание.

Освятится песнями чистыми,
К жизни вечной, белой потянется.
Возлюби, душа моя, Господа.
Все пройдет, а это - останется...

...Камень ждал. Подошел к нему молодец,
Прочитал письма на скале
Полустерлись под Солнцем и в холоде,
Как стирается все на земле.

Если влево пойдешь - обвенчаешься,
Позабудешь и мать, и отца,
На постели с женой закачаешься -
Что приятнее для молодца?

Если вправо пойдешь - будешь в золоте,
В серебре, в жемчугах и в мехах,
Позабудешь о дрожи на холоде,
О голодных и тягостных днях.

Ну, а прямо - чащоба дремотная,
Там сидит многоглавый дракон,
Череп и трясина болотная,
И небесный, малиновый звон...

Погибаешь - и слышится пение
Далеко-далеко в небесах,
Затихает дракона сопение,
Удаляются страсти и страх.

Быть богатому - штука занятная,
Можно всеми командовать всласть.
Пища вкусная, вина приятные,
Только - в рай трудновато попасть.

Превращаешься в толстое, сытое,
И черствеет, жиреет душа.
Бремя тяжкое, чрево пропитое
Начинает теснить и мешать.

Быть женатому - сладко, томительно,
Утопаешь в перинах страстей,
Ждет жена - и гадаешь мучительно:
То ли к Господу, то ли за ней.

А когда надоест быть женатому,
То придется до смерти терпеть.
Горевать над былыми закатами,
Обвиняя семейную сеть.

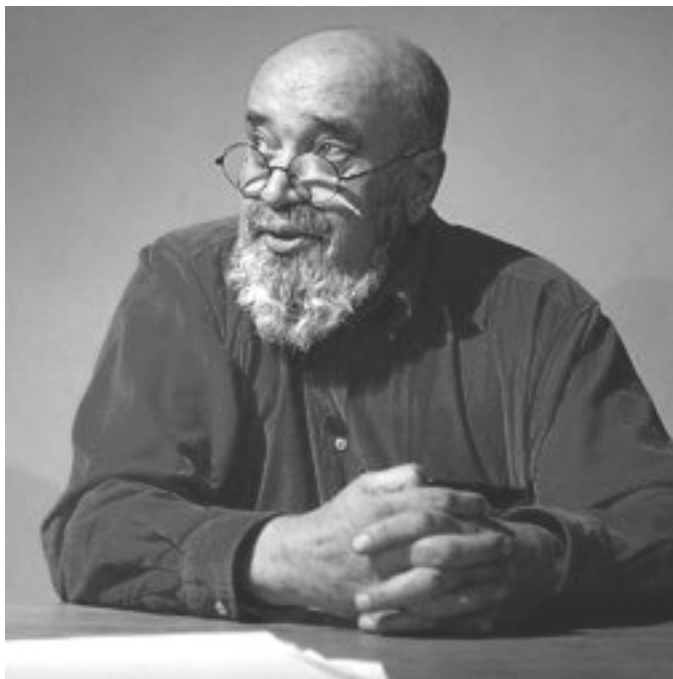
Если Буду Жив

Быть убитому - тоже нерадостно,
Только выбор земной - небогат.
Караулит всякая гадость нас,
Только нам... И черт нам не брат!

Сдвинул камень. Под камнем зарытыми
Щит и меч, и доспехи нашел.
И туда, где должно быть убитому,
Усмехаясь, спокойно пошёл.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

ТАИНСТВЕННАЯ КРЫСА, ИЛИ ПОЦЕЛУЙ НА МОРОЗЕ

«История стала торопливой -
гораздо более торопливой, чем наша мысль»
Лев Троцкий

«Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи.
Синею молнией слиты уста
Синеют вместе тот и та.»
Велимир Хлебников

- Кто спорит, разумеется, история сейчас немножечко качнулась в сторону авторитаризма Елены Еленовны, ну, а нам то что? Сидим, выпиваем, как люди: семга малосольная, бочковые огурчики, постная буженинка, салат оливье – раз, винегрет с грибами – два, холодец дорогостоящий, но вкусный - три, французские сыры, греческие оливки, квашеная капуста, боржом, много ещё чего у нас есть, даже перечислять лень, - высказался персонаж Хабаров, хорошо известный всем читателям моих сочинений безработный предприниматель, балансирующий на волнах ры-

ночной экономики вверх-вниз, как акробат. То у него густо, то пусто. То он богат, и его везет по Москве какой-нибудь нанятый халдей в форменной фуражке, то, желая свести счеты с паскудной жизнью, прыгает бедолага с Ласточкина гнезда в бурные воды той части Черного моря, которая нынче снова принадлежит России. А после прыжка вдруг мало того, что выплывает жив-здоров, так еще и находит 7000 долларов, некогда забытых им же в мокрой подкладке собственного пиджака.

- Правильно ставишь вопрос! Даже в магазине для нищих теперь водки десять сортов, а в магазине «Престиж» водки разновидностей все сто. И закуска у нас не типа «я вас умоляю», как у Венедикта Васильевича Ерофеева в «Москве-Петушках». Жаль, конечно, что черную икру окончательно запретили, ну, да и хрен с ней, мы люди простые, нам и красная сойдет, если свежая, - вторил другу другой мой персонаж, писатель Гдов, который неоднократно в течение всей своей долгой, поучительной жизни предпринимал попытки выйти из народа, но это у него никогда не получалось.

Сидели они в приятном одиночестве на кухне той коммунальной квартиры, где Хабаровов жил с женою, но она, имеющая прозвище Пятачок, уехала по случаю праздника в город Кингиссеп Ленинградской области «навещать сестренку», а где были остальные соседи Хабаровова с их синими мордами – ни безработный, ни Гдов, ни автор не знают и знать не хотят. Может, они уже померли, а всех покойников не переброешь, как выражался парикмахер Соломон, знакомый Гдова, Хабаровова и автора этих строк. Замечу, кстати, что в коммуналке Хабаровов жил скорее не от бедности, а по расчёту – чем-то такая жизнь его вполне устраивала. Он вообще не был столь прост, каковым иной раз нарочито казался.

- Соседи-то где? – всё же заинтересовался Гдов совершенно некстати. Хабаров хотел ответить ему в рифму, но застеснялся и сказал правду, что соседи, скорей всего, уехали в Заграницу.

- Навсегда? – сострил Гдов, но его сотрапезник острогу не поддержал и объяснил, что те, кто с ним рядом живет, честные граждане обновленной невиданными переменами бывшей советской сторонушки, отправились, скорей всего, в шоп-тур, чего из Заграницы привезут, тем и будут торговать на Люблинском рынке вместе с китайцами и таджиками. Возникла скользкая пауза.

Как будто для того, чтобы разрядить её, по телевизору сказали, что в Туве мент по ошибке застрелил школьника, но имел на это полное право в пределах определенных пунктов должностной инструкции. А другой силовик сбил по пьяни на «зебре» пожилую женщину, скрылся с места убийства и получил в результате этого приключения целых два года условно. Прокуроры добились, чтоб, если даже они выпивши, их машины никто не смел останавливать. Депутаты снова подняли себе зарплату. Пенсия госслужащих составляет 75% их получки. Гдов длинно выругался.

-Да, - согласился Хабаров. – Власть оборзела окончательно, и я боюсь за неё.

- Это, говорят, была такая история, которую рассказывал друзьям великий русский писатель Андрей Платонов, - сказал Гдов. – Незадолго до Второй мировой войны две курортные дамочки в Сухумском обезьяннике стали жалеть животных. «Бедные обезьянки!» - причитали они. А случившийся рядом анекдотический грузин в кепке сказал им с известным акцентом: «Себэ жалеи, дура!»

- Сухуми - в Абхазии, - заявил Хабаров. – А власть эту я трахал ещё тридцать лет назад, вернее – она меня. В буквальном смысле этого жесткого глагола на букву «е», ко-

торый я, как ты видишь, все же смягчил для политкорректности.

- До войны Сухуми был в Грузии, - возразил Гдов, не обращая внимания на это нелепое, ёрническое окончание фразы собеседника. И тут же почувствовал неловкость от того, что и его слова прозвучали двусмысленно - ведь после Второй мировой войны войн было до и бо, пойдя догадайся, после какой из них грузин стал абхазом. Догадайся, когда всё окончательно с катушек полетело.

- Ладно. А что касается собственно понятия СВЯТКИ, то это вовсе не какая-нибудь абстракция, а конкретно реальная вещь, - попытожил он. - Временной промежуток в двенадцать дней – от первой вечерней звезды Рождества до Крещенского купания в проруби. Через Новый год, естественно - Старый Новый Год. И не спрашивай, пожалуйста, почему у большевиков их переворот, который на самом деле был 25 октября, празднуется 7 ноября, то есть тринадцатью днями позже, а новый год тринадцатью днями раньше. Я тебе это уже сто раз объяснял, но тебе такое понятие не под силу.

- Это никому не под силу, - туманно отозвался Хабаров. – Так вот, я и говорю – тогда тоже была, можно сказать, эта самая ночь перед Рождеством, когда весь «Поселок № 11», где я тогда проживал, тоже не спал....

- Постой, не части, - окоротил его Гдов. – Что значит «№ 11»? Название хоть какое-нибудь есть у этого поселка? «Пеньки» вроде, «Красный партизан» или «Выезжий Лог», где кино снимали «Хозяин тайги» про Высоцкого и Золотухина в Присянской тайге около города К., стоящего на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан?

- Вот это и есть, какое я говорю - «Поселок № 11», и всегда было. Откуда я знаю, почему «№ 11»? Всё лагерные, очевидно, дела северо-востока родины чудесной. То-

же, кстати, глухая тайга, из промышленных предприятий - леспромхоз и молокозавод. Там же сплошные лагеря были, когда на северо-восток едешь. Семь часов от города К. поезд идёт, и одна зона спешит сменить другую, как у Пушкина заря. Я там в ту зиму первый раз лег на дно, как подводная лодка упомянутого тобой Высоцкого. По причине того, что я только-только начал делать деньги и мною, молодым тогда геологом-хозяйственником, тогда впервые заинтересовался Отдел по Борьбе с Хищениями Социалистической Собственности, ОБХСС, теперь это называется ОБЭП. Комнату снял у одного смурного мужика, которого звали Ян Рейнгольдович, и лег, «чтоб позывных не передавать».

- Не слабо звали твоего мужика, - чуть-чуть покачнулся Гдов.

- Он в цирке работал фокусником, пока не дернул его чёрт написать статью с хорошим названием «О свободе выборов в СССР». Шестидесятые – время уже вегетарианское, не эффектного менеджера-людоеда, а всего лишь Никиты-кукурузника, предшественника бровастого Ленилентя и других славных начальников страны, включая Елену Еленовну. После зоны Рейнгольдовичу назначили поселение, и он даже выделялся на фоне другого контингента тем, что ханку не жрал. Потому что засадил весь огород анашой, по-вашему марихуаной. Травку и шабил, зачем ему ханка? Мак у него еще произрастал, так же хорошо, как яблоки у Мичурина.

- Позволь тебе напомнить, что ты намеревался рассказать мне про таинственную крысу, поцелуй на морозе и прочее лирическое, - деликатно напомнил Гдов. – Не сердись, но мне все эти твои физиологические очерки из народной жизни бедных, но честных людей, пострадавших от тоталитаризма КПСС – вот где.

И он провел ребром ладони чуть выше кадыка. Решительный, надо сказать, получился жест.

- Равно как и из нынешней жизни. Тут всё жалобщики на «кровавый режим гэбни» ходят, ноют, что выборы Елена Еленовна сфальсифицировала. А я кого ни спрошу, получается, что он на выборы-то и не пошёл, всё равно, дескать, результаты подтасуют. Так чего ж ты тогда, гражданин Федерации, обижаешься, что тебя нагребли, если сам засбоил, поленился задницу от дивана оторвать? - зачем-то добавил он.

- Не стану скрещивать с тобой копые спора, - красиво ответил ему Хабаровов. - Можно, конечно, как ты, зарыть голову в песок башни из слоновой кости, но куда деть невиданную коррупцию, инфляцию, пауперизацию и беспредел?

- На муда, - не сдержался Гдов. - Всегда в России это было, почитай пьесу «Ревизор» и поэму «Мертвые души». Ты чё это? Вместо обещанной святочной истории вдруг в диссиду ударился, как вечный борец за права человека?

- Это необходимый фон, - смутился Хабаровов. - Вроде как задник в театре или оштукатуренная стенка, на которой висит картина Репина «Не ждали». А крыса, да... Я слышу в чулане что-то всё шуршит да шебуршит. Скребётся что ль кто-то? Стемнело уже. Как сейчас, но только лет тридцать с лишним назад. Я в комнате сидел, не зажигал огня, как в стихах японского поэта Исикавы Такубоку. Сунулся, было, к Рейнгольдовичу, так тот валяется в полной отключке. Мне, кстати, рассказывали местные, что он, бывало, жарким летним днём подойдёт к населению, сгруппировавшемуся на деревянных ступеньках крыльца в ожидании открытия магазина и спрашивает народ, имея в виду продавщицу: «Дуська-сука ещё не приехала?» - «Нет», - отвечают. Тогда он разматывает принесённую с собой бухту крепкой бельевой веревки, забрасывает веревку в небе-

са, отчего она встает колом, и лезет по этой веревке вверх, постепенно исчезая в пространстве. А потом все очухиваются и видят, что Дуська уже вовсю торгуует, и Ян Рейнгольдович без очереди покупает у нее только что привезённый хлеб...

Гдов пошевелил пальцами.

-...Электрическое освещение было там совсем слабое, вместо 220 вольт, вольт наверное 170, не больше. Я взял керосиновую лампу, но, когда открыл дверь чулана, чуть вдруг эту лампу не уронил, отчего мог бы случиться нештучный пожар, да видать в тот раз Бог миловал. Передо мной стояла на задних лапках средних (для этого животного) размеров крыса и внимательно глядела мне в глаза, держа в передней лапе (левой) изрядный кусок сухаря, а правой лапой она мне приветственно помахала. Но и это не было самым странным из того, что мне довелось тогда увидеть. Крыса была одета в русский женский национальный костюм, как у покойной певицы Людмилы Зыкиной в лучшие её концертные годы, когда в неё по слухам был влюблён премьер-министр коммунистической страны СССР Алексей Косыгин. Я подробностей такой одежды не ведаю, только помню, что то, которое на голове полумесяцем, называется «кокошник». Так вот, у крысы был на голове кокошник, из-под которого торчали седые пикообразные усы и маленькие острые глазки, которыми она буквально буравила меня. Пестрый сарафан ещё на ней был поверх длинной тканой рубахи, цветастый платок на плечах.

- Может, ты перед этим с Рейнгольдовичем тоже чего не надо подкурил? – сделал своё предположение Гдов.

- Перестань! Ты знаешь, что это не так, иначе и вся моя святочная история не имела бы смысла, - строго остановил его Хабаров и продолжил: - На улице вдруг, кстати, звёздочки ясные погасли, месяц в чёрную тучу ушёл, и к тому

же козлы на местной электростанции именно в этот момент вдруг свет отключили. Так что хорошо, что керосиновая лампа была у меня тогда уже зажженная, и мне не пришлось шариться во мгле в поисках спичек. Я захлопнул дверь чулана, глотнул из бутылки коньяку «Плиска», который тогда в больших количествах поставляла нами братская Болгария, и его продавали «от Москвы до самых до окраин» по смешной цене шесть рублей бутылка. И свалился, одетый, на постель, заново осмысляя увиденное.

Успокоился и даже задремал я на мысли, что не всё еще знаю про Рейнгольдовича, который наверняка тайно дрессирует эту крысу в ожидании того, что большевики вернут его из опалы к своему двору, как Сталин гипнотизера Вольфа Мессинга. Поэтому и пошил он ей нарядное платьице, дал сухарь, ещё, может, чего дал. Очнулся я от медленного скрипа двери, страшного как в фильмах ужаса и Хичкока.

Передо мной стояла слабо различимая в темноте, но в то же время явно прежняя крыса.

Однако, в отличие от первой моей с ней встречи, вполне человеческих размеров. Точно так же торчали из-под кокошника седые усы и сверлили меня красноватые бусинки-глаза. Но если у чуланной крысы они светили тускло, как лампочка карманного фонарика, то в этот раз горели ярко, как галогенные автомобильные фары, изобретенные американцами еще в 1959 году.

«Хочешь, я разденусь догола», - вдруг хрипло сказала крыса, и ледяной ужас охватил всё моё существо. Я прыгнул, подскочил в постели, как разжавшаяся пружина и, выбив головой двойную раму, вылетел в окно.

Тебе ль не знать, что в Сибири зимой довольно холодно, однако я мороза не ощущал, улепетывая по снежной улице, как заяц, неизвестно куда. Приостановился, было,

пытаясь всё же понять хоть что-нибудь, но меня явно нагоняли, и я вновь нагдал.

Мельком, на быстром ходу движения мой глаз отметил какие-то странные гнусные хари, по сравнению с которыми морды моих соседей казались бы ликами работы Боттичелли. Черт рогатый, борода из пакли, баба с усами, наведйнными жженой пробкой, в вывороченном наружу мехом полушубке, непристойно оттопыренном, и наоборот – мужик в юбке, с накладным бюстом необъятных размеров.

- Ряженные, - догадался Гдов.

- Всегда догадлив был, - огрызнулся Хабаров. – А вот мне где что было тогда сообразить в одну секунду, когда крыса кричала мне вслед: – Товарищ Хабаров, товарищ Хабаров! Прошу вас, остановитесь!

- Тоже была ряженная? – понял Гдов.

- Тоже. Сочельник был, как сейчас. В сочельник русский народ зело веселится. Покойники, солдаты, ведьмы, черти, собаки, коты, крысы, известные исторические личности вроде Маркса, Ленина, Брежнева – вот объект для манипуляций, дразнилок и переодеваний. «Кто не даст пирога – сведу корову за рога. А не дашь ветчины - расфуярим чугуны». Понял?

- Понял. Но не ведал всей глубины твоих этнографических познаний, - попытался, было, съязвить Гдов, однако тщетно. Хабаров настолько был увлечён своим рассказом, что сбить его было бы невозможно даже кулаком, не говоря уже о слове.

- И, таки, ведь она всё же догнала меня, эта крыса, оказавшаяся в дальнейшем ряженной поселковой девкой - комсомолкой. Потому что, куда мне, если я спортом никогда не занимался? Подсечку сделала, я рухнул в снег, как был, она на меня, дальше начинается самое главное, о чём мне не хотелось бы распространяться в подробностях.

- Это ещё почему? - вскинулся Гдов.

- А потому, что неприлично нам в таком возрасте поздних шестидесятников эти сладкие подробности смаковать. И неконструктивно. И незстетично. Про этику я молчу, мне на неё давно наплевать. Но - исключительно лишь для того, чтобы удовлетворить твое писательское любопытство, чтобы ты был конкурентоспособным на том интеллектуальном рынке, где подметки на ходу режут, лишь тебе скажу - ты ведь меня знаешь, что я удалённому человеку свои гениталии в руки никогда не дам. А тут прямо доверился ей, как маленький.

- Старый сатир, - ухмыльнулся Гдов, мучительно вспоминая, где уже была использована в русской литературе эта реплика.

- Ну, и ещё вот тебе для оживляжа. Трахались мы с комсомольской крысой скорей всего около её дома, потому что вдруг форточка распахнулась, и некий бабий голос возопил в пространство:

- Ленка, стервь, ты где шатаешься, шалава? Домой иди!

А красавица ей по-деревенски отвечает на «вы», однако, не слезая с меня, потому что уже подложила под нас тулуп и сама устроилась сверху:

- Щас, мама, вот кончу и приду! Не волнуйтесь!

- Лола, мля, огонь моих чресел! - пробормотал Гдов.

- Уж и не знаю, как её матушка оценила двойной наш финальный звериный вопль, что был извергнут из нас животворящими силами природы, когда всё завершилось. Мне кажется, что его было слышно даже на луне, - закончил Хабаров и плеснул себе чуть-чуть крепкого в невысокий стаканчик.

- Стоп, - отчего-то вдруг рассердился Гдов. – Хотелось бы тебе верить, товарищ, но что-то заставляет меня сомневаться в искренности твоих слов и достоверности нарисованной тобою картины. Во-первых, тебе бы ряженая поселковая шпана непременно набила бы морду за местную

бабу, хоть она и комсомолка. Это раз. Во-вторых, с чего бы это вдруг такие африканские страсти в заснеженной Сибири?

- Да потому, что чудо – оно и в Африке чудо, - просто ответил Хабаров. - Моя эта звонкая история – лоцман в море безверия и цинизма, овладевшего определенными слоями нашего общества, в том числе и тобой. Я хочу убедить тебя в том, что, не смотря на торопливость истории, страна наша даже более чем жива, если в ней веками соблюдаются даже такие чумовые традиции, как святочные безобразия. Не согрешишь, короче, не покаешься...

- Странную пошлость слышу я от тебя, в общем-то, если не умного, то хотя бы тертого человека, - не выдержал Гдов, а Хабаров выдержал, отчего и ответил с достоинством:

- Да не пошёл бы ты ...! Ты просил рассказать что-нибудь святочное, я и рассказал, как мог и что знал. А ты опять придираешься...

- Ну, и что в таком случае, если ты не врешь, дальше было?

- А дальше я вскорости оттуда смотался, не век же мне там было подживать. Помнишь, я вдруг объявился по весне у вас в городе К.? Перед тем, как уехать в Эстонию, чтобы продолжать кувать свои скромные средства в суете и неразберихе социализма.

- Но ты же тогда ничего нам об этом своем приключении не рассказывал. Я вообще об этом слышу в первый раз.

- А чего было рассказывать, когда девица была несовершеннолетняя, отец у неё геройски погиб смертью храбрых, утонув в Енисее во время строительства Красноярской ГЭС, не успев даже зарегистрироваться с матушкой, которую тоже звали Еленой, брат сидел за хулиганку, к лету должен был выйти, я и дернул в апреле, как мне Ян

Рейнгольдович насовествовал, умер, наверное, уже Ян Рейнгольдович, столько времени прошло, царство ему небесное, вечный покой, так и не успел реализовать свои недюжинные возможности... А Лена, что Лена? Она ведь не зря потом часто всегда подчёркивала, что вышла из самой гущи простого трудового народа, до всего дошла своим умом ещё при тоталитаризме КПСС, хотя и училась сначала в ВКШ, затем в ВПШ, потом в ВШЭ и лишь значительно позже в Лондонской школе экономики и политических наук...

- Стоп-стоп, так ты потом её видел? Ты с ней встречался?

- Много раз видел, но ни разу с ней больше не встречался, - потупился Хабаров..

- Это как так?

- А вот так...

Хабаров глянул на часы и включил программу «Время», которая в этот праздничный вечер шла одновременно по всем ста тридцати трем каналам русского телевидения. Согласно теперь уже многолетней традиции именно в этот день и час своему народу пела сама Елена Еленовна. Пела, как всегда, горячо, душевно, увлекательно, мелодично, трогая своими дивными звуками самые загрубелые сердца:

Я - безвестная девчонка, из Сибири сирота,

Кто бы знал, что рано-поздно стану национальным лидером я.

Ведь хозяйка в дому, как олады на меду,

Граждане, что малы детушки!

Ой, да виноградье вы моё красно-белое,

Советское да антисоветское,

Социалистическое да капиталистическое,

Олигархическое да экзистенциалистическое!

Инноваций мы безмерно если только разведем,

То конечно в рай примерно рано-поздно попадём.
Пришла коляда накануне Рождества,
Дайте коровку, масляну головку.
Мериканцы все разводят ала-ла, да ала-ла,
А народ российский силён на великие дела.
И дай Бог тому, кто в едином доме.
Ему рожь густа, рожь ужиниста,
Ему с колосу осьмина, из зерна ему коврига,
Из полузерна — пирог.
Ты молись – поможет Бог.
Нацпроекты, нацпроекты
Лепота и красота.
На семидесяти столбах,
На восьмидесяти верстах.
Где хозяин-от сидит,
Красно солнышко печёт;
Где хозяйюшка сидит,
Светел месяц там печёт
В небе ясном.
Социальную мобильность стимулирую всегда.
Кто дает пирога, тому двор живота,
А кто даст рогушек, тому целый двор телушек.
Государственность важнее, эффективность тоже вещь,
Эффективность управления нужно тщательно сберечь.
Малы детушки сидят, часты звёздочки пекут.
Если мир - многополярный, надо армию крепить,
Современную ракетой кому надо засадить.
Дай нам Бог зерна, из полна зерна пирог!
Мы по каждому вопросу станем меры принимать,
Правовые механизмы нам нельзя не улучшать.
За горою за крутою, за рекой за быстрою
Стоят леса дремучие, во тех лесах огни горят,
Огни горят пылающие, вокруг огней граждане Россий-
ской Федерации живут,

Граждане Российской Федерации колядующие, новый
порядок славящие!

Так что будьте все спокойны, потому что с вами я,
Я, я, я, я, я, я, я – собственно и есть идея национальная.

Вы поддержите меня политически,
Это выбор будет ваш стратегический.

Ведь кто даст пирога, тому полон хлев скота,
Овин с овсом, жеребец с хвостом!

Кто не даст пирога, тому куричья нога,
Пест да лопата, корова горбата.

С нами Бог и с нами Ленин в белом венчике из роз.
Наделил бы вас Христос

И житьём, и бытьём, и богатством,

И подай вам, Господи, ещё щедрее, чем я вам подаю,
дорогие россияне!

- Удивительно, но она почти не изменилась за это время. Все постарели, скукожились, одна она осталась такая же красивая, креативная, - сказал Хабаров.

- Ну, тебе виднее, - отозвался Гдов. - Старая любовь не ржавеет.

Заиграли духовые оркестры. Пел краснознаменный хор.
Плясали плясуны. Где-то выл разрешенный саксофон.

Было двенадцать, било двенадцать. Усталая, но довольная Елена Еленовна поправила чуть-чуть сбившийся набок кокошник, лукаво улыбнулась стране и послала ей воздушный поцелуй. Гдов перекрестился, а Хабаров – нет. Автор прикрыл глаза, помотал головой, и все они исчезли

на **хѣрьъ** ...

Примечание:

хѣрьъ

Происходит от греческой буквы "хи".
Означает слово ДУХ,

МАРИНА САВВИНЫХ

ОРЕАДЫ

По берегам Днепра и Иртыша,
В предгорьях Анд и среди скал Кавказа –
Да славит Бога всякая душа
Струеньем струн и гранями алмаза,
Слезой, в мольбе скользнувшей по щеке,
И словом, обретающим реченье
На каждом человеческом языке, –
Во имя своего предназначенья;
Да славят Бога искренность и стыд,
И стон любви, и первый крик младенца,
Пот пахаря и труд кариатид,
И медный Пётр, и бронзовый Риенцо;
Таёжной братии дружеский костёр
Под музыку последнего союза –
И вечностью овеванный костёл,
И танец просветлённого индуса,
И рыбака увесистая сеть,
Когда к финалу близок пыл путины,
И в космос устремлённая мечеть –
Михрабы, минареты, муэдзины;
И гулкое терпенье синагог,
И манускрипты в Матенадаране –
Сквозь хор светил и шум вселенской брани

Всё слышит Бог – и всё приемлет Бог!
Но от земли, в которую мой род
Ушёл и из которой вновь взойдёт,
Достались мне и лоб ширококостный,
И трезвость трапезы великопостной,
И Спаса светлого нерукотворный лик,
И Православной истины язык.

АСЛАНУ ГАЛАЗОВУ

1.

«Мело, мело по всей земле...»

БП

Послезавтра – в центре февраля,
Где пищит фальцет оповещения,
Ходит смерч, от смерти отделя
Всякого, принявшего Крещение...
Опрокинув грешное лицо
В зеркало студёной иордани,
Причастишься ласковых страданий
И взойдёшь на красное крыльцо.
Там гуляет море-океан,
Там вкушают мёд святые звери:
Жёлтый лев по имени Аслан
И в ветвях трепещущие пери,
Белый волк и чёрная змея,
И телец, окутанный багрянцем...
Родина забытая моя,
Кто к тебе вернётся иностранцем?
Тот ли, кто в траву твою швырнёт
Кровью окроплённые знамёна?
Или тот, кого метель взметёт
Выше крыш – к звезде Армагеддона?

2.

Эти розы держались так стойко, стояли так долго,
Словно их отсечённые корни питались небесною влагой
В молодильном цветочном раю, где подвижницы долга
Наделяются неистребимой растительной тягой...
Эта крепкая плоть, совершенная в каждом изгибе,
Этот запах, сулящий нирвану в одном лишь соблазне,
Эта прелесть страдания – когда созерцается гибель
И лелеется жизнь в наблюдениях длящейся казни...
Умирать – восхищая... легко, беззаботно и сладко...
Это участь художника – как бы ни крысилась пресса!
Умираешь – как Бог – на кресте мирового порядка,
Воскресаешь – как Бог – на волнах мирового процесса...

Мой Древоград осаждает
Безжалостный царь дождей,
Жадный сеньор рыщущих наваждений...
Не призовёшь воинов и вождей!
Все они пали жертвами заблуждений;

Все они заблудились среди согбленных лип,
Мокрых чинар в чадрах, сгорбившихся от плача...
Можно ли откликаться сердцем на каждый всхлип?
Небо шуршит в траве, и пустяка не знача.

Я заблудилась, город моей мечты,
Между твоими розами и огнями.
Что означают статуи и цветы?
Траурные стволы с мраморными ступнями?

Ты заблудил меня, околдовал и сдал
Царству чужих теней, призрачной паутине...

Если Буду Жив

Хлор или серебро? Ладан или сандал?
Или твоя – навек... Или мертва – отныне...

Пленнице – под платок: талер, цехин, дукат...
Грудь – на разрыв! – Спаси, Господи, Твоя милость!..
То ли кровоточит вечной любви закат,
То ли приемлет дух – всё, что бы ни случилось...

Осень Осетии –
недопустимая роскошь
для куртизанки старой,
в костёр бросающей кольца...
По серебру гобеленов -
рыжих заплаток россыпь...
красный фонарь,
не дразни меня,
успокойся!
Не соблазнят червонцы,
шкуры пёсьи да лисьи -
я лишь вдыхаю дым
солнечной гекатомбы.
- Полно, - мне говорят,
- это такие листья...
падают как платки,
рвутся внутри как бомбы...
Но затаи в себе кровь,
запахни ветки...
не оступись
на границе души и тела!
Верная смерть –
вырвавшимся из клетки.
- Я так хочу!
- Ты сама
этого захотела!

ЕВГЕНИЮ МИНИНУ

1.

Горюч терновник, да неопалим.
Таков удел – вопить среди пустыни,
Пока Небесный Иерусалим
Не восстановит падшие святыни.
Над мотовством болезней и обид
Неистовствуют вихри Палестины:
Ковчег в песках воинственных сокрыт,
И мертвецы наследуют руины...
Но стоны камня будоражат кровь
Возлюбленных и проклятых Синая,
Которым Книга обещает кров,
Бессчётно всё круша и начиная...

2.

«От наших глаз неотдалима
Холмистость Иерусалима
И огнедышащая синь»¹ –
Тоска славянская, как птица,
К истоку тайному стремится,
Презрев покой родных осин.

Там, за излукой горизонта,
Под гнётом грозового фронта,
Под страхом взрывов и границ –
Необходимый, горький, кровный,
Сомнительный и безусловный
Удел художников и птиц.

¹ Строчки из стихотворения Бориса Чичибабина

Не для того ли – пёстрый, круглый –
Кудрявой от роду и смуглой,
Мне развернулся мир земной
Неотвратимо, неделимо
Листою Иерусалима,
Неопалимой купиной?

ИСЕ АЙТУКАЕВУ

1.
Под зелёным флагом бескрайней ночи
В этот час, как прежде, из года в год –
Над тобою скачут звёздные ножи,
Собирая в круг свой бессмертный род...
По кому-то всё ещё плачет плаха,
А кому-то – камень, цветы и мёд...
Но у каждого в сердце – Слова Аллаха:
Кто слышал, - прощён; кто простил – поймёт...
Так нисходит в мир вопрос безответный -
Вместе с тем, что ищет нас впереди:
Отчего в крови виноград запретный
И любовь чужая в твоей груди?
Видишь – наголо их черепа обриты,
И доспех воинственный на плечах?
На тебя – сквозь сон твой – глядят мюриды
С нестерпимой истиною в очах!
С точки зрения вечности – зло и косно,
Но, когда затихнет в ночи борьба,
Ты, проснувшись, смотришь в окно, как в космос,
Отирая пот с ледяного лба.

2.
В ночи печать какой печали носим,
Не в силах бросить прошлому вчера?

Забудусь в пять - а просыпаюсь в восемь,
Как будто бы пахала до утра...

Все возгласы, проклятия и слёзы,
Все корчи зла, любой, кто в нём зачах,
Пожары, наводнения, морозы –
Всё на моих измученных плечах,

И не открыть мне глаз – под слоем пепла,
Горячего и тяжкого, как ртуть,
В трудах ночных душа, как вол, ослепла,
Как будто больше не на что взглянуть...

Но поднимаешь каменные веки
И преодолеваешь боль и тлен –
Усилием не жалкого калеки,
А Гулливера, вставшего с колен.

Один лишь вдох глубокий, взгляд – широкий.
Один лишь звук – пусть даже птичий писк -
И вновь идёшь долги верстать и сроки,
Дразня химер и умножая риск.

СЕРДЦЕ ЧЕЧНИ

Из тёмных лет и беспросветных зим,
Из мглы с её печальными дарами
Зовёт больную душу муэдзин –
К Всевышнему припасть в небесном храме.

Как лунный луч, не видимый глазам,
Но каждого касающийся уха,
Струится пробуждающий азан
В сосуд греха, где тленье и разруха...

И вот, не потому что страшен суд,
А лишь навстречу звукам безупречным –
Серебряною чашею сосуд
Становится на пиршестве предвечном...

В нём свет и тень – живая благодать,
Источник вдохновения поэтов,
Которому завещано сиять
Цветком зари под стражей минаретов...

Вселенная под куполом Твоим:
Великое и малое едины,
Открыто сердце – и неодолим
Рассветный трепет Мекки и Медины...

Сердечный ритм загадочной Чечни –
В земном пути к неведомому дому -
Тоску познания соедини
С тоской Творца по разуму иному!

СТИХИ И ПЕСНИ ИЗ ДРАМЫ «КАТИЛИНА»

Авель пас овец и жарил мясо.
Каин сеял рожь и пёк лепёшки.
Лёгкий дух горячего жаркого
Возносился к Божьим небесам.
Хлеб же отдавал землём и потом,
Корневым терпением растений,
И не мог тяжёлый запах хлеба
Достигать Божественных высот.
Всё мрачнее становился Каин,
Видевший, как радуется Авель,

Но однажды ясный голос Бога,
Каина, как громом, поразил.
- Если не замыслил ты дурного,
Что не смотришь весело и прямо?
Грех тебя зовёт! Не поддавайся!
Сладок грех, расплата – солоня!
В тот же вечер, вызвав брата в поле,
Каин взял булыжник у дороги,
Выждал подходящую минуту –
И – как зверя - Авеля убил...

Я стройна, как белая цапля, -
Потому не хожу – летаю.
Голос мой – персидская сабля,
Потому до сих пор чиста я.
Вьется тело мое и гнется
В металлической стружке танца.
Принеси мне со дна колодца
Ледяной цветок померанца.
Из-за душных болот беспутных
И гнездовий, неблизких раю,
Ради песен, чужих и чудных,
Я себе – тебя выбираю,
Твоей крови порченной ветку,
Все глумления и терзанья...
Белый флаг и черную метку...
Преступление и наказание...

Словно в складках цветного муслина –
Молодое колено Луны...
Это тянется тень Эсквилина
По камням позапрошлой страны.

Строчка в строчку, к движенью – движенье.
Каждый темен и каждый крылат.
Все, что чувствуешь, сладкое жженье.
Все, что думаешь, - вечность назад.
Все, что есть, - горячо и бесплотно.
Все, что будет, - оковы веков.
... Так глядят на святые полотна
Золотые глаза без зрачков.

Держите, небеса, беглянку-душу,
Она ваш свет покинула для дыма
Земного, рай – для вечного томленья...

Покинуть ад пытается душа,
Объята вселенскою тоскою,
И нету несмываемой обиды,
Которая б ее не пожирала!

Там, где роятся вечные светила,
Летающие на полпути столкнутся,
И нежную подвижницу любви
Пожрет свирепый замогильный пламень,
С собой в ночную бездну увлекая.

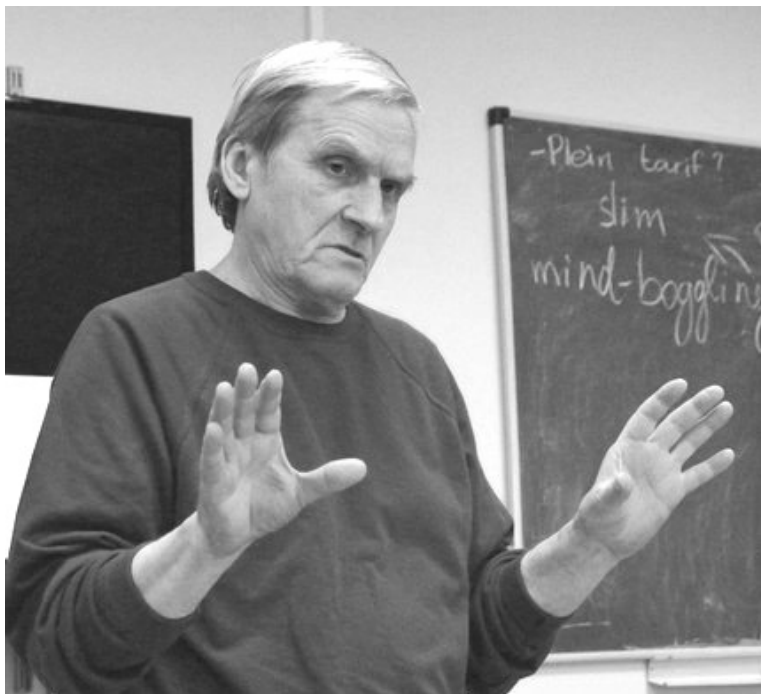
Но даже там, в ночной свирепой бездне
Любовь печально и тревожно светит
Своими благодатными слезами.
Но даже там, где льются эти слезы,
Зияет сатанинская усмешка.

И нет ни утешенья, ни исхода,
И рвется в клочья сердце человека,
Которое само себе и Каин,

И Авель, сколько б дней ни расточилось,
И Моцарт, и Сальери, сколько б звуков
Ни поглотила ледяная даль...

Молю, куренье жертвы улови,
Откликнись мне, Премудрость Мировая...
Я так хочу, о Господи, любви,
Так родственную душу призываю!..
Я думала достичь, узлы рубя,
Того, кому не жить со мною розно...
Но вечереет... пасмурно и поздно...
Мне в зеркале не опознать себя.
И вот, тростинка певчая, молчу,
За тьму пределов ускользает слово
Призывное... Я молча жгу свечу
Перед лицом Всезнания Мирового,
Перед дрожащей точкой пустоты,
В которой погребен мой влажный кокон...
Любовь моя! Ужели ЭТО – ТЫ?
Твой нежный рот...
Твой белокурый локон...

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

РЕТРОСПЕКЦИЯ vs ПРОЕКЦИЯ

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ к о м п о з и ц и я

* * *

Эти строки – все еще проба.
Эта жизнь – еще только попытка.
Это – все еще – головой в прорубь.
От нехватки? От избытка?

* * *

Здесь нет последней инстанции,
как разницы между таксистом-извозчиком,
между песнями и танцами,
между судьей и доносчиком.
Не последняя станция,
еще не тупик,
когда по линии тащится
локомотив-старик.
Но между луной и солнцем,
между жерновами так
сквозь смертоносный стронций –
звездная мука

* * *

И кроманьонец в черной тройке
и марсианин в белой паре.
На каблуках спят набойки
под волны звука на гитаре.
Поскольку все идут в одежде,
не разгадаете мутанта,
как, утверждают, было прежде:
Циклоп, Сирена и кентавры.

* * *

360° оттенков пульса
ищут себе равенство
в повороте на 360,
делятся без остатка
на суточную норму –
24 часа.
Но как угадать при этом
значение числа 15?
Как угадать
марсианина в ребенке
от кроманьонки?

* * *

Яблоко бьет по кнопке
на черепе Ньютона.
А кроманьонка по попке
ребенка –
и он не откроет Закона
Всемирного Тяготения,
хотя и будет испытывать
различные влечения,
будет кушать печения,

варения и соления
и чужие мнения.

* * *

Кроманьонский закон бдительности
для тех, кто выделился,
определяет сумасшедший дом.
Но Хлебников откроет закон длительности
числом остановив Содом.
Свободный полет длительности
не рифмуется: и т. д.,
и тождества не ищет
с толстовским е. б. ж.

* * *

Это попытка, попытка
соединить две расы,
два недостатка и два избытка
Земли и Марса.
Рано отчаиваться! –
чем она увенчается?

* * *

Особую тревогу вызывают метисы,
потому что пока неясно –
особи какого пола прибыли с Марса..?

* * *

Всего лишь гипотеза,
что это были мужчины,
поэтому Во имя Отца и Сына.

Если Буду Жив

* * *

Здесь остановка, чтоб передохнуть.
Еще не знаем, как там было дело.
Какой длины был тот возможный путь.
Что там цвело и почему истлело.

* * *

Марсианин и кроманьонка
под широкой листвой.
Там и рвется, где тонко.
Тонок, тонок, словно пленка,
нашей памяти слой.
Как по замкнутому кругу
марсианин с кроманьонкой,
что они поют друг другу? –
горизонт срезает кромкой.
Нависает дождь из тучи,
вдруг он памятью прольется?
Знали Гельдерлин и Тютчев,
но не то, как отзовется.
Боль на грани воспоминаний,
ниоткуда резкий зов.
Быстрый топот тараканий
вообще без слов.
Дочь моя глядит в костер,
говорит: – погибли ветки...
Почему же так остер
взгляд, которым видят детки?

* * *

Снова зрение вернуть –
детское глубинное,
чтоб увидеть как-нибудь,
что дорога длинная,

чтобы как-нибудь понять,
что случилось с Марсом,
чтоб история вдругорядь
не увенчалась фарсом.

* * *

...Сколько пройдет миллионов космических лет,
прежде чем вновь возродится на Марсе белок
и биосфера, которую выжег уран
или плутоний, или какой-то другой
атом с тяжелым ядром, тяжелее ядра
нашей планеты? Не отвечает Гомер.
И Вергилий молчит.

* * *

Это попытка, попытка
проникнуть стихом свободным
за горизонты мысли,
за горизонт судьбы.
Мать Скорбящая!
я могу догадаться –
почему ты скорбишь.

* * *

Марсианин бродит в чаще,
крылышки намокли.
Он смотрел в земную зелень
сквозь стекло в бинокле.
Он сжимать умел пространство,
сохраняя время,
чтобы бросить в тайном танце
в эту почву семя.

* * *

К доске привязанный
Микеланджело
словно в оргазме
выплескивает
в купол чистые краски
Страшного Суда.
Из Эфиопии праздной
семя везут в Россию
для прививки растения
по имени Пушкин.
Сколько в Моцарте
марсианского,
чтобы музыка
«Волшебной флейты»
звучала прямо с неба,
фонтаном вбивалась в небо,
а тело его исчезало,
миновав могилу?

Не там ли, не там ли,
не там ли – бежит
карандаш по карте.
Не здесь ли упал ангел –
в Палестине?
Не там ли, где позже
пройдут кочевья калмыков
и лицо обратит к Востоку
Велимир I.

* * *

Погодите - головой в прорубь.
Мера точная – нет избытка
Это – первая строчка – проба.
Эта жизнь - еще только попытка.

* * *

И пройдет кроманьонка
с коляской
в обработке Пабло Пикассо.
И проповенью прогрезит
о проросли мировой
Павел Филонов.
Красный цвет Марса
и зелень Земли.

Э п и л о г

Погодите – головой в прорубь!
Эта жизнь – еще только попытка.
Эта – первая строчка - проба.
И в попытке прячется пытка.
Повторяю, словно молитву:
заяц бежит прытко –
не обгонит улитку...

1986 – 1987

Примечания:

1. И т. д. (и так далее)– по воспоминаниям современников В. Хлебников мог оборвать чтение стихов в самом неожиданном месте, сказав: «и т. д.»
2. Е. б. ж. (если буду жив) – характерное выражение для дневников Л.Н. Толстого.
3. «Проповень о проросли мировой» – книга выдающегося русского художника П.Н. Филонова, написанная «сдвиговой прозой» (1915 г.).

МЕХАНИЗМ ЧАСОВ

«Нет», словно тень,
в «да» слышен ад.
Созвучия зовут назад
то слово, то строку,
и в полночь
из часов
влетает в ночь: «Ку-ку!»
и падает назад.

1986

КОММЕНТАРИЙ К ФОТОГРАФИИ

Возле дома с круглой башенкой
постаревший человек.
Время здесь позавчерашнее
и роса утекших рек.
Но глаза такие здешние,
видевшие наперед.
Выкос неба над скворешником
сильно за сердце берет.
Но глаза такие вечные –
в рифму с небом и землей...
Колос ржи с корзинкой гречневой,
брат с сестрой.

1980

* * *

Время вытекает
сквозь ивовые прутья.

Набухшее вымя
поражает своей красотой.

Молочная роса
выступила на сосцах.

Вот-вот ударят
молочные волны
в кисельные берега.

1987

ФОРМУЛА ФИЛОНОВА

Цветок разъят
розовеет мясо коня
дерево вырвалось
из глазницы
коричневатые прожилки мысли
на розовой коре

крошево металла
в бензиновой луже
расплавленный гудрон
льется за ворот
металлического охотника

женщина с японскими глазами
выныривает из Океана

с левого уголка

1987-88

Если Буду Жив

* * *

непроницаемое лицо
обращенное внутрь себя
ищет ответа
внутри себя
и за ним
поступок движение угасание движения

покой

1987

ПЛАТОНОВ – ВСЕГДА

к о м п о з и ц и я

I
Стирающий грань
молчания – речи
жизни – смерти
человека – травы

желтоватое лицо
уходящего

одеяло землистого цвета

огонь догорающий
видит
и уже!
не плачет

II
он видит
где бегут полые люди

они бессмертны

он спешит
пока еще не смерклось
напрягая зрение

дальше? назад?

III

умирание голоса –
Логоса
конвульсии смеха

и трещит под ногой
скорлупа ореха
похожего на череп
сухой

на чело века

IV

«...взрывная волна... слаба для моей
гибели. Меня убьет только прямое
попадание по башке». А. Платонов
(из письма жене 6 июня 1943 г.)

в глазах ребенка
запрокинутых
прозрел невидимое

соединились небо и земля
от взрыва

холст неба
разрываемый с треском

мгновенная вспышка
затянувшейся боли
слова

лишь вера –
рожденное не умирает
ДА!

ПЫЛЬ МРАМОРА

Прикосновение к мраморной плите
а дальше сразу Дант
без остановки
а дальше волки
мелкие уловки

пыль

наждачный диск
высекновение искр
зубная боль
снижение
вспышка свет
крыло вода
прожилки словно вены
между теперь и словно
никогда
разомкнуты частицы
и летают
молекулы молекул
тайны тайн
берут и льют

и снова замирают
как замиренные вне -
запно «нет» и «да»
Silentium!

но пыль
еще безумие
еще еще надежда
из пыли склеенные
Господа слюной
тебя ведут
и линия ноги
сломалась

пыль — это все
последнее что есть
ведь если рядом
травы
она седая
каменная
так
быстрее всех бегущий —
неподвижен

ДА

ты отвечаешь будто
анаграмма
la morte
и припорошено крыло
останется расставить знаки
бездарное зубило
взрежет край
но буквица засветится былая
она жи-вая

пыль

1987

СКИФЫ

приглядишься и невольно заметишь
скифского типа лицо
ого-го-го
где-то на крымских ветрах
опаленное
перерезано изморозью
дремлющего Алтая

наблюдай
с какой невероятной скоростью
движется
на велосипедных колесах
сквозь толщу лет
сквозь зеркало осени
сквозь тени лета
сквозь снежную замать

с какой головокружной скоростью
трансформируется тело
готовое к прыжку
готовое к винтовому движению
готовое к сальто-мортале

медленно и стремительно
разворачиваются эпохи
стирая на своем пути
города и тревоги
или покрывая курганами
масштабы географических карт

при первом приближении
ты можешь не узнать прародительницу

каменную бабу
которая заплачет настоящими слезами
алмазной твердости
на могиле Велимира

В ДОМЕ МАГРИТТА
(Rue Esseghemstraat 135, Brussels (Jette))

Филипу Меерсману
улитка впилась в чрево Олимпии
вечность и невозможность
трансперсональность
но
завиток боли Жоржет
Ренэ Магритт пишет на кухне
вскипает кофе
трубка сопит
человек без лица
изображает шкаф
легкое перевоплощение
вещного мира
еще секунда
и улица
пустится
вдогонку

ПОЛЕТ ДИНОЗАВРА

по наблюдениям ученых
голодные мыши живут дольше

так и запишем

Если Буду Жив

но оказывается динозавры
летали
по наблюдениям ученых

ученые все записали
на веб-камеры

и могли бы показать

но голодные динозавры
не желающие жить как мыши
под наблюдением ученых
съели оных
копии послали прикрепленным файлом

таким образом
упорядоченная система
неожиданно трансформировалась
в хаос
что по определению Пригожина
позволило выйти на новый виток

динозавр спланировал
неудачно
клюнул носом в песок

ученые признали свою вину
косвенную но все равно

кто пил цикуту
кто вино

все умерли
никого нет

динозавры в поиске
иных планет

НАИБОЛЕЕ КРАТКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА

Философ - это человек, который не боится быть философом.

Философ – это человек, который не боится быть человеком.

Философ – это человек, который не боится быть.

Философ – это человек, который не боится.

Философ – это человек, который не.

Философ – это человек, который.

Философ – это человек.

Философ это!

Философ!

(читать внятно, постепенно усиливая голос.

Повторить все в обратной последовательности).

Философ!

Философ это!

Философ – это человек.

Философ – это человек, который.

Философ – это человек, который не.

Философ – это человек, который не боится.

Философ – это человек, который не боится быть.

Философ – это человек, который не боится быть человеком.

Философ - это человек, который не боится быть философом

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ОБ ОСНО(ВАХ) (ФИ)(ЛО)(СОФИИ)

кранты как говорил сартр
философии суперстартр
кофием запивая амфетамин
стряхивая пепел в
мифологический камин
напротив сидел пол пот
под портретом мао
кранты это еще мало
сказал пол вытирая пот
весь мир так сказать
не тот
хайдеггер услышав
смекнул
не тод (нох, хенде хох)
что на самом деле
происходит
кто победит
буш
или кон-бендит
деррида умер
на нем был красивый симулякр
выделите эту строчку курсивом
и только строгий хабермас
с нас не спускает глаз
франкфуртская школа
нас бережет
там вдалеке где-то
ницше (пауза) ржет

ШУРУПЫ И ВИНТЫ

шурупы и винты
торчат повсюду
шурупы и винты
и ты
вдруг понимаешь
что
шурупят и винтят
нас всех
шурупы и винты
и даже вот цветы
шурупы и винты
они вдруг возникают
из ниоткуда
из небытия
и я
к ним прикасаюсь
рукою обнаженной
и трогаю резьбу
как будто бы
судьбу
бы-бы
бу-бу...

НА ВЫХОДЕ ИЗ СНА

прохожий попросил огня
окно открылось
свет выпал
так внезапно все
свершается
вершится

Если Буду Жив

и что-то так внутри
и там где пустота
и там где полнится
и где ветвится
на лиственных
игольчатых
полях
и ах
внезапно
раптом
вдруг
и эта песня
и пение цикад
и повторяю пенье
и голос радио
в одно мгновенье
дзинь
три раза
дзинь
и все...

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРАРКЕ И ЛАУРЕ

Лаура пишет письмо Петрарке
шрифтом Times New Roman
в интернет-тетрадке

письмо исчезает

Петрарка пишет сонет Лауре
пальцы бегут по клавиатуре

письмо исчезает

на платье Лауры осыпаются
букв лепестки

в этот миг
они так близки
что руку вот протяни
коснешься мизинца
левой руки

ОПЕВАНИЕ

что это было Белла
на тоненьких каблучках
которые вонзала
в пол
выставочного зала
тогда на выставке Мессерера
громадины грамофонов
что это было Белла
на фоне белых полотен
завитушек грамофонных
ее говорок-пение
обрыв ступеней
где-то под крышей
выставочного сарая
что это было Белла
и грамофоны пели
ее голосом
который был нежен
который был нужен
который был сужен

в это время нам
поднятый к небесам

В ОБЛАКЕ

хлебников пишет письмо двум японцам
он призывает открыть оконца
он призывает расширить околицу
он призывает построить дом
состоящий из волокон
он призывает
открыть новую эру
великий азийский союз
он росчерком пера
прекращает войны
он времени ловит волны
и ему откликаются японцы
из страны солнца
он читает на облаке
их письма
где пересекаются времена
как параллельные лобачевского
ему пишут — велимир-сан
ты приходишь сам
ты открываешь пути
по которым нам вместе идти
ты созидатель тенекниг
ты словно тигр тих
перед прыжком
ты аум
переходящий в ОМ
АУМ----ОММММММММММММ

ВРЕМЯ ВЕЛИМИРА
(встреча в Риме)

открываю дверь в рим
открываю дверь в мир

а за дверью велимир

время велимира
время велимира
в риме велимир
в мире велимир

если верно что дороги
все ведут в рим
или до рима
то есть в мир
до самого мира
значит верно
время велимира

тик так время
тик так время
время велимира

ноги сбиты о рим
мы идем говорим
время велимира
время велимира
время велимира

РЕКОНСТРУКЦИЯ
(вариационный метод)

О достоевскиймо
Велимир Хлебников

о достоевский мо
о достоевский ло
о достоевский но
о достоевский ро
о достоевский со
о достоевский до!

о достоевский зо
о достоевский во
о достоевский то

о достоевский ре
о достоевский ми
о достоевский си
о достоевский соль!

о достоевский ты
о достоевский вы
о достоевский ды
о достоевский зы
о достоевский ры
о достоевский бы
о достоевский мы!

о достоевский э
о достоевский ю
о достоевский я!

о достоевский хо
о достоевский че
о достоевский шо

о достоевский бо!

ВСЕ ЗВЕНИТ

и лес звенит
и снег звенит
и перезвоны
далеких звезд
и горизонт звенит
и час звенит
и голос твой
звенит
и звезды
выбрались в зенит
и ночь звенит
и день звенит
и зимородка песнь
и стих звенит
я есмь
и перезвоны
звездных кораблей
ночь королей
и королев
поэзии
в коронах звездных
и поезда звенят
в ночи
и встречу нам сулят

молчи
и слушай —
все вокруг
звенит...

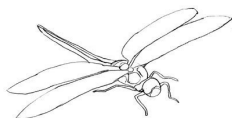
ТЕНЕСТИХИ

стихи теней
тенестихи
те не стихи
которые теней
не образуют
вокруг себя
вокруг других теней
тяги тяни тяни
теней
беги за ней
за тению теней

НЕ ПРЕРЫВАЙСЯ

прерыв не пре
не прерывайся
ступенями стиха
к вершине вей
таись внутри
в безмолвии
скрывайся
не прерывайся
не не не не не

ГРИГОРИЙ ШУВАЛОВ

* * *

Да, всё начинается с малого,
И вроде бы мелочь, пустяк,
Что вы не читали Шувалова
И как-то обходитесь так...
И как-то живете и дышите,
Смеетесь, растите детей,
И дождь над московскими крышами
Для вас, безусловно, родней.
Его бесконечная жалоба
Струится на спящий квартал...
Но вы не читали Шувалова,
И вам он стихи не читал...
Но все же, но все же, послушайте —
Зачем же так больно колоть?
Любовь ощущается душами,
Как телом смиряется плоть.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве, сколько смог,
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи жёлтый цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот жёлтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы;
не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

НЕЗНАКОМЫЙ МАРШРУТ

Сегодня я проснулся слишком рано.
Я мало сплю, я слишком много жил.
Я вынул зажигалку из кармана,
которую по пьяни положил.

И закурил, и шёл, куда не надо,
совсем один, без денег и следа
среди долгов, зимы и снегопада.
Куда я шёл? Не помню сам, куда.

Впитав в себя уныние и смуту,
расстроенный, что счастья в мире нет,
я шёл по незнакомому маршруту,
и всюду мне горел зелёный свет.

И я живу, живу и увядаю,
пока по мёртвым улицам хожу,
пока о Боге все вспоминаю,
слова в стихи трагически вяжу.

ПЕРЕХОД

На бедность пиликает скрипка,
за совесть, обиду и страх.
Недетской выходит улыбка
на детских, поджатых губах.

Мотивчик тоски и неволи
запойный отец стережёт,
и тычется классика боли
в московский, глухой переход.

* * *

Нас, наивных, накололи
славной сказкой про Москву.
Пусть мне дом приснится, что ли,
я другой не наживу.

Город дикий, город странный
мне об этом рассказал.
Пусть присниться деревянный
и обшарпанный вокзал.

Я, шатаясь вдоль перрона,
буду верить краскам сна...
Повязали Аполлона,
как простого пацана.

* * *

Меня запинаят, и всё же домой я уйду.
Никто не узнает, никто ничего не заметит.
Посыплются листья, и небо подарит звезду,
в разбитое детство пускай она светит и светит.

Покуда свети, моя радость, покуда свети.
И сжалится Бог, и желанье моё не осудит:
вернуться туда и забытое детство спасти,
сказать - успокойтесь, не надо! - и крови не будет.

* * *

Моё детство не верило в горе:
я играл во дворе дотемна,
улыбался, сидел на заборе,
но недетскою стала весна...

И когда в нашей доблестной школе
утверждался закон кулака,
постигал я понятие боли
от ударов в живот и в бока...

И валился на землю в бессилье,
и пощады себе не просил,
и месили меня, и месили,
и один я домой уходил.

А когда всё закончилось летом,
я от шалостей детских отвык:
всё сидел вечерами со светом
и учился спокойствию книг.

Выходил на прогулку, сутулясь,
и не думал об этом всерьёз.
Это только потом затянулось,
это только потом утряслось.

Вечерами мы пили в подъезде,
и, домой возвращаясь ко сну,

я глядел на развалы созвездий,
как уже никогда не взгляну.

* * *

Привет, Шексна! Как мёртвое сукно,
простой костюм, поношенный и стёртый,
вокзальное подгнившее бревно
закрыл собою европластик мёртвый.

Как я любил первоначальный вид!
Вскочу в маршрутку - резвую повозку, -
и быстро мы помчимся к перекрёстку,
пока автобус вдалеке гремит.

Вот Барбач - мрачный, спившийся район.
Он неопрятен, тягостен и беден,
различными пороками объединен
дитя иных, блистательных, времён.

Здесь не найдёшь ни храмов, ни крестов.
Как торжество советского закона
поднялись вышки вместо куполов
и остановка под названьем "Зона".

Торговый центр - загадка для ума
на скучном фоне старого Райтопа,
и, кажется, что ветхие дома
построены задолго до потопа.

Руины школы, выцветший бурьян,
пятиэтажки, рынок и помойка.
Над магазином страшная надстройка
похожа на мясистый нос армян.

На Первомайской воткнут, как топор,
фонтанчик поселкового разлива,
и было бы, наверное, тоскливо,
когда б не окрыляющий простор.

Здесь небо греет, как глоток вина.
А вот мой дом. Встречай меня, Шексна!

* * *

Как осень за дымкой тумана,
как праздники, пьянки, цветы,
надежда - продление обмана,
обман - продолжение мечты.

И после такого нелепо
в сознание чужой правоты
смотреться в московское небо,
где нет ни единой звезды.

Калёная прихоть, причуда
с поправкой на гений и труд.
Свалить бы скорее отсюда
туда, где жалеют и ждут...

Соринка, жестянка, шутиха,
мелькнувшая в сизом дворе.
Мне будет спокойно и тихо
лежать на Поповской горе.

* * *

Теперь-то мне точно известно,
Я понял себя, наконец:
какой из меня, если честно,
садовник, строитель, отец?

И я умираю поэтом
в объятиях смутного дня.
Родная, простите за это,
ведь Вы не любили меня,

а может, любили. Да что там
терзаться об этом сейчас.
Сыграйте о смерти по нотам,
чтоб хлынули слёзы из глаз.

Пусть слёзы последние эти
размоют душевный покой,
где сад мой, где дом мой и дети
несбыточной стали мечтой.

* * *

Ты как жена ложишься с краю,
и мы о многом говорим.
Я очень плохо понимаю,
зачем вообще мы вместе спим?

Ты ищешь дом, а я бродяга,
я не тактичен, даже груб.
За дверью вымерла общага
и я твоих касаюсь губ.

Спокойно, Боже, как спокойно,
как на душе моей светло!
Пуškai ты большего достойна,
но если будет тяжело,

не застрелюсь и не повешусь,
с балкона вниз не ломанусь:

тобой, одной тобой, утешусь,
тобой, одной тобой, спасусь.

* * *

Словно горсть непокорной земли
разбросала война обелиски.
Мы в чертоги Победы зашли
и погибших увидели списки.

Мимолётная память войны;
имена, что отныне забыты,
где бутылки больные сыны
расхвостали о скорбные плиты...

Свою силу утратила соль.
Под скупые осенние вдохи
мы впитаем отжившую боль
отшумевшей советской эпохи.

СОВРЕМЕННЫЙ СОНЕТ

Иду по лесу, ёлки-палки,
наверно, лес растёт на свалке.

Бутылки, банки и жестянки
Лежат, как гости после пьянки.

В траве, как гриб, белеет пачка,
в кустах - раздолбанная тачка,
вода в реке блестит, как битум.

Эх, братцы, лучше быть убитым,
лежать себе на чёрной травке
в тени шикарной бензоправки.

Мы всю природу захламили,
и ты, читатель мой, прости,
что будут на твоей могиле
бутылки битые цвести.

* * *

Я вчера перерезал пространство
и сегодня проснулся в Сумах,
поменяв - не смотри на размах -
постоянство на непостоянство.

Зацени, как немеет язык,
отойдёт - не такое задвину.
В Украину ли на Украину
я приехал и время настиг.

Я оставил рубашку свою:
разговоры, враньё, перебранки.
Ты прикинь, я сижу у альтанки
и лекарство из горлышка пью.

Не беда, говорю, не беда -
это воля ударила в спину.
Я покину на днях Украину,
но моя засияла звезда.

Будь, что будет, была - не была,
надоело в неволе томиться.
Потеряется угол в столице?
Мне свобода дороже угла.

* * *

Плохи мои дела. Я тлею, как окурок.
Хотя чего желать? Заводишко пивной,
молочный комбинат, кисельный переулочек -
жужжит под колпаком мещанский рай земной.

Дрожит за рукавом конфетная столица,
цепляет за глаза господское жильё.
Мне некуда идти, мне негде притулиться,
мне не с кем разделить бессилие моё.

Боли, боли, душа, когда тебя не просят,
держишься за жизнь поэт, пощады не проси.
Пусть твои враги на сердце камень носят,
ты камень на врага на сердце не носи.

* * *

Старики, братаны, пацаны,
не подав на прощание руку,
я свалил из дворовой Шексны
и глотаю московскую скуку.
Эх, налиться бы ей по глаза,
оглянуться, расчихать, качнуться,
и в Шексне на скамейке очнуться,
и узнать пацанов голоса.

Кто-то снова ушел за вином.
Так все просто, до боли знакомо:
мы собрались у пятого дома,
до утра никуда не уйдем.

Если Буду Жив

* * *

Так ночь перерастает в ссору,
и вот из-за чужих проблем
кровь разлилась по коридору,
а я не думаю: «Зачем?»

С ногами лезет на окно
студент с разбитыми губами.
О, как же грустно и темно,
и завтра что-то будет с нами...

* * *

Я пустотой себя огородил,
я одинок, мне не хватает Бога.
Стрелец летит за тенью Козерога,
как трещина по мрамору могил...

как трещина по мрамору души,
а может быть по мрамору призванья.
Когда слова не очень хороши,
нас выручает искренность звучанья.

* * *

Живу в суете и в обмане
с надеждой на лучший исход,
а девушка с фигой в кармане
любви, как спасения, ждет.

Хорошей любви, не обломной,
а я загоняю ей бред
на лестнице грязной и темной,
в которой спасения нет.

Пусть жизнь как открытка убога,
но я тебе честно скажу:
я выломлю правду у Бога
и в руку твою положу.

ЮМОР

В России тысячи шутов,
Придурков, пародистов –
Ниспровергателей основ,
Чей юмор так неистов.

Гремит, как гром, по всей стране
Фальшивая потеха:
Тот, кто не знает о войне, –
Взрывается от смеха.

Жить стало явно веселей
Баранам всей страны.
Мальчишка, нюхающий клей, –
Осколок той войны.

И он пробил мою гортань
И в ней застрял как гром.
А современный юмор – дрянь,
И он тут не при чём.

«Жили они долго и счастливо
и умерли в один день»
из русских сказок

Классно тем, молодым и влюблённым,
Что летят по путевке в круиз,

А их лайнер над солнечным склоном
Неожиданно падает вниз.

Лучше так, пусть летят из круиза –
Отдых тоже теперь не пустяк,
И уже проштампована виза,
И запилены фотки в «Контакт».

И осталась минута до взрыва...
Полминуты... и скоро рванёт.
Он глядит на неё молчаливо
И до боли за руку берёт.

Да, родители будут в печали,
Будет водку глушить лучший друг,
Но зато они горя не знали,
Не хлебнули измен и разлук,

И друг друга уже не обманут,
И любовь свою не предадут,
Взявшись за руки, так и предстанут
На последний, на божеский, суд.

Ну, а нам, друг от друга уставшим
И в глаза научившимся лгать,
Много раз свою честь потерявшим,
О таком можно только мечтать.

С высоты самолёт наш не падал,
Теплоход не стремился ко дну.
Здесь мы жизнь свою сделали адом,
Там – и вовсе гадать не рискну.

Что ж спасибо, судьба, за науку,
Что открылась уму моему.

Просто дай на прощание руку,
Я её напоследок пожму.

11 сентября 2014 г.

МОРСКОЙ БОЙ

Начиналось всё бойко и дерзко,
а потом развалили страну.
Из скупого советского детства
я запомнил игрушку одну,

что стояла в ДК неизменно,
фантастических звуков полна:
в ней гудела ночная сирена
и шумела морская волна.

Я пятнашку ей в брюхо закину,
и прицелюсь, и кнопку нажму,
и торпеда, разрезав пучину,
со всей дури ударит в корму.

Я не ведал расстрельной свободы,
потому не боялся её –
философские шли пароходы
через горькое детство моё.

Я теперь научился толково,
не теряя в сражение лица,
направлять бронебойное слово
на людские умы и сердца...

Ни себя, ни других не жалея,
научился судить обо всем...
И стреляет моя батарея,
Точно в детстве, прицельным огнем.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы –
ликуют птицы и скитальцы,
и у поэтов всё - ништяк.

Об этом после как-нибудь...
Апрель – и лопаются почки,
и дышат клейкие листочки
во всю распахнутую грудь.

Земля – как смятая постель,
пока на ней не вырос клевер.
И, как по компасу, на север
идет вприпрыжку коростель.

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,
услышав первую грозу...

Природа празднично-светла
и улыбается спросонок,
она беспечна, как ребенок,
не знающий добра и зла.

СЕАНС СВЯЗИ

И разум всех людей соединяет нас,
И вижу я тебя, и слышу я твой голос.
Иллюзия твоя прищуривает глаз,
И улыбается, и поправляет волос...

И радиоволна сшивает нас с тобой –
Иллюзия твоя шипит на мониторе,
Как будто за окном полощется прибой,
Как будто мы с тобой приехали на море...

Я не могу тебя вдыхать и осязать,
И твоего тепла не ощущаю тоже.
Я даже не могу тебя за руку взять,
Обнять, поцеловать – на что это похоже?

Но, если невзначай на кнопку я нажму,
Исчезнет голос твой в далеком отголоске,
Как будто целый мир обрушился во тьму
На оживлённом перекрестке.

Но стоит мне опять на кнопочку нажать,
И можно начинать наш разговор сначала.
Но всё же не обнять и всё же не поднять –
Влюблённому в тебя сеанса связи мало.

Я знаю, ты ни в чем не виновата,
Твои цветы ещё не расцвели.
Как пуля, пролетели два заката
И в прошлое навеки отошли...
Прохладой пропитано пространство,
Прости-прощай и прочие дела.
Пора, подруга, выходить из транса,
Ты не туда, красавица, зашла.

Мужик за забором, он красит забор,
Который меня разделяет и двор,

Элитного дома он страж и газона,
А возле забора подохла ворона.

Сидеть на заборе придется не ей –
Она уже стала добычей червей.

И мимо забора сквозь сон и дремоту
Как офисный червь я ползу на работу.

Пусть мысли о смерти совсем не страшны –
Зачем же ворона с моей стороны?

В Москве всё пышно расцветает,
А в вологодской стороне
Листочек первый распускает
Природа, словно в полусне...

Душа исполнена покоя,
В столице брошены дела,
И ощущение такое,
Как будто жизнь назад пошла.

И ты лежишь на верхней полке
И спишь как много лет назад,
А вдоль дороги ёлки, ёлки,
Как дни прожитые летят...

И мы ещё не знали горя
Ни с той, ни с этой стороны,
Еще не ездили на море,
Друг в друга крепко влюблены.

Нас жизнь ещё не обломала,
Не обманула, не сожгла,
И от вокзала до вокзала,
Как будто вечность пролегла,

Где мы заложники с тобою.
И солнца лучик бьёт в окно,
И ничего ещё судьбою
Наверняка не решено.

Как надоело мне в поэзию играть.
Вот я лежу на дне
и не хочу всплывать.

Вся жизнь моя прошла за этою игрой,
в итоге - ни кола,
ни дома за спиной,

вернее, ни двора,
хотя причём тут двор?
Поэзия – игра, и я – дурной актёр.

Поэзия – хомут,
надет известно кем...
Стихи меня ведут, увы, не в Вифлеем,

не в Иерусалим, -
они сулят распад
и скверный Третий Рим преобразают в ад.

Они ведут на дно,
они грозят бедой,
в них лучшее вино становится водой.

* * *

Не будет вечности для нас,
она останется незрима.
Так непонятен запах дыма,
когда огонь уже погас.

Любовь, отжившая давно,
во мне уже не возродится.
Не страшно жить, не страшно спиться,
а страшно то, что всё равно.

Последняя радость осталась – дорога,
она начинается прямо с порога,

идет мимо школы, петляет дворами,
её я измерил своими шагами,

за школой её перерезал трамвай,
и сам я себе говорю – не зевай!

А дальше она поднимается в гору,
с которой катаются в зимнюю пору,

потом она между деревьями вьется,
и кто-то навстречу тебе улыбнется.

Дорога похожа на школьную пропись...
Как жаль, что она упирается в офис.

ФАНТОМ

Презирая московскую скуку,
Я остался стоять на краю,
Я тебя потерял, словно руку
В беспощадном ненужном бою.

Это станет уроком потом нам,
А сегодня потеря легка.
Дорогая, ты стала фантомом,
И в могиле истлела рука.

И неважно теперь, что там было,
Как подумаешь, всё ерунда.
На горе зеленеет могила,
Но бывают минуты когда,

Непогода ли в том виновата,
Непонятно, короче, в чём соль,
Настигает меня как расплата
За ошибку фантомная боль.

И хожу я весь день инвалидом,
И тоскливо - хоть плачь, на душе...
И неясно, чего же болит там? —
Вроде, всё отболело уже.

СОРНЯК

Не альбатрос, не покоритель
Крутых вершин,
Я - просто бедный сочинитель
И блудный сын.

Если Буду Жив

Я славы не ищу невнятной,
Я, скажем так,
На ниве жизни необъятной
Простой сорняк.

Другим, что я произрастаю, -
До фонаря.
Я семена свои бросаю
На ветер зря...

Услышу я зубовный скрежет
За эту речь,
Меня серпом садовник срежет
И бросит в печь.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Вот детская площадка: две горки и грибок -
Для детворы окрестной отличный уголок.

С утра играют дети, им дождик - ерунда,
Им всё равно, что скоро настанут холода.

Их смех пересекает площадку, как волна,
Их жизнь ещё прекрасна и радости полна.

Да, это всё прекрасно, но грустно оттого,
Что здесь стоит качелька для сына моего.

Она других качает уже десяток лет,
Она теперь пустует, поскольку сына нет.

О, где ты, поколение, не знавшее стыда,
На все твои вопросы я отвечаю - да!

И нечем оправдаться, и некого винить,
И ничего на свете уже не изменить.

Но я ещё надеюсь, что выиграю спор,
И сын мне скажет: "Папа, пойдём гулять во двор!".

КОМНАТА ПРИЁМА ПЕРЕДАЧ

Приёмщица тупа, и собралась толпа
Отправить для родных и близких передачу.
Сюда не зарастёт народная тропа -
Читателей своих цитатой озадачу.

Вот девушка стоит лет двадцати на вид -
Две палки колбасы, зубная паста, мыло.
Тяжёлая судьба: её мужик сидит,
Она, как дура, ждёт, моя - давно б забила.

А вот ещё пример: наверно, инженер,
Взял кетчуп и лапшу и прочее для брата.
И шарится в вещах летёха-лицемер,
И пачку сигарет берёт запанибрата.

Вот старенькая мать, всё, что смогла собрать,
На зону принесла родимому сыночку.
Седает голова, она устала ждать,
Ей тяжело за двоих работать в одиночку.

И все стоят и ждут, так раны ищет жгут,
Так ждали в старину солдат живыми с фронта.
Цепные псы родных и близких стерегут...
А вот и я стою с пакетом "для ремонта".

Если Буду Жив

И кто мне объяснит, кто и за что сидит,
И почему другим всё можно по закону,
И почему народ молчит, а не кипит,
И как любить страну, похожую на зону?

Всё кончено, значит, осталось проститься
И в новую жизнь окончательно влиться.

Там новые встречи и новые связи,
И новые, новые сдвиги по фазе,

И новые тени выходят из мрака,
Одна только память скулит, как собака.

Стою, как вратарь, проворонивший шайбу,
А ты уже с кем-то болтаешь по скайпу....

Да, мы ещё по улице идём,
О чём-то говорим, ещё смеёмся,
Но оба точно знаем - расстаёмся,
И понимаем всё, и сознаём.

Цвети цветком и бабочкой порхай,
И улыбайся миру, улыбайся,
В поэтов только больше не влюбляйся.
"Не покидай меня, не покидай", -

Хочу сказать, но впереди вокзал.
Я посажу тебя в последний поезд,
Домой приеду, дома успокоюсь -
И позабуду всё, что не сказал.

Прости меня за мой дурацкий вид,
Прости за боль, за злобу, за жестокость,
За то, что жизнь раскрыта, словно фокус,
И смерть нас навсегда разъединит.

Взирая на трубы завода,
На церкви разбитый хребет,
Выходит поэт из народа,
Как тени выходят на свет.

Течёт, утекает водица,
Как этот денёк голубой...
Хотел бы я снова родиться
И встретиться снова с тобой.

Хотел бы я жить и работать,
Любить и стихи сочинять,
По фене поганой не ботать,
Измен и предательств не знать,

Забыв эти дразги и кипеж,
Спокойно дожить до седин,
Увидеть, как сказочный Китеж
Всплывает из тёмных глубин.

Смотри: словно белые птицы,
Уходят на юг облака.
Хотел бы я снова родиться,
Хотел бы, да жизнь коротка.

ТЕНЬ ПОЭТА

Упала капля света
на влажную сирень.
Стихи - лишь тень поэта,
стихи - всего лишь тень.

Когда меня не станет,
читатель-рифмоплёт
стихи мои помянет
и в тень мою войдёт.

ДОЖДИК

Льётся дождик с утра на Москву,
На деревья, дороги, траву...
На машины, витрины, дома,
На людей, посходивших с ума...

Лейся, дождичек, дождик литой -
Хорошо быть могильной плитой.
Вот печать человеческих дел,
Дальше плюнуть никто не сумел.

Тяжело под землёй прорастать,
Тяжело по весне расцветать.
Спи, мой свет, мой единственный свет -
Ничего в этом страшного нет.

Лейся, дождик, на нашу болезнь,
На мою погребальную песнь.

Живу в Москве, как эмигрант,
Не унываю.
Господь вдохнул в меня талант -
Я точно знаю.

И современник я не ваш,
А так, с припёку...
Хотел подставить карандаш -
Подставил щёку...

И мне - Москва всей пятернёй
Дала с размаху,
И снится мне не вечный бой,
А вид на плаху.

НОВЫЙ СОКРАТ

Как волны бьются об утёс,
Так мысли бьются о сознание:
Вопрос, вопрос, ещё вопрос -
Утёс меняет очертанья.

И тает, тает жизнь моя,
Как сахар, в беспощадных волнах,
И солнце ходит, как подсолнух,
В тревожном круге бытия.

Окно, раскрытое во двор,
Как сеть улавливая звуки,
Несёт любителю науки
Привычный вздор.

Если Буду Жив

Шумит пятиэтажный лес,
В бокале плещется цикута
И, как топор, висит минута...
Мне скучно, бес!

Упасть, подняться, рухнуть снова
и подниматься много лет...
Живу легко и бестолково,
а счастья не было и нет,

а жизнь тем временем проходит.
Затем и в комнате бардак,
что ничего не происходит,
а я надеюсь, как дурак:

я связи прежние нарушу,
я стану добрый и смешной.
Но кто теперь вернёт мне душу,
давно потерянную мной.

КОЛПАК

Сквернословил, злился, жалил,
ошалев от этих дел,
шутовской колпак напялил,
колокольчиком звенел.

Приставал, грубил, шатался
разлетелась болтовня.
У людей колпак остался
и осадок от меня.

Подвели меня порода,
погремушка-нищета,
соль поэзии - свобода
к репутации шута.

Старики, братаны, пацаны...

* * *

В двадцатом разобрали атом
и прочитали ДНК,
прогнали с неба облака,
а я живу себе на пятом.

И что теперь: в какую дверь
Стучать, и кто откроет двери?
Не жду и, мучаясь, не верю,
а ты не мучайся и верь.

И жизнь пройдёт, как этот год,
который так отвратно прожит,
а сердце бедное не может,
и время глупое плывёт.

ОПОХМЕЛИТЬСЯ

Грязные улицы, маски на лицах.
Опохмелиться, опохмелиться.

Глупые маски, несвежие взгляды.
Может не надо, может не...
надо.

Если Буду Жив

Словно кинжалом блеснёт продавщица:
«Опохмелиться?..»
– Опохмелиться.

Пыльная лестница, в клетках стучится:
Опохмелиться, опохмелиться.

Хмурых соседок тоскливые взгляды.
Может не надо, может не рады.

Ночь не настала, а день прекратился.
Опохмелился, опохмелился.

Утро, настало, помятые лица.
Опохмелиться, опохмелиться.

Эх, вино – приворотное зелье –
обожгло нас похлеще войны:
Воскресенья не будет с похмелья
Для меня и великой страны.

Мы на мельнице совесть смололи,
Наши прадеды нам не простят,
Что качается русское поле
И бутылки, как пули, свистят.

* * *

Здесь льют, как воду в глиняный кувшин,
учения серебряную влагу
и ставят плюс искателям причин,
которые испортили бумагу.

А вместо славы грубая печать,
ничтожный штамп за божий дар и милость.
Нас научили мыслить и молчать,
а мы живём, чтоб что-то получилось.

Нам рельсы спутала дорога,
и в Вологде осенним днём
мы повстречали мини-бога,
который был моим дружкой,

и с ним в один автобус сели.
В Шексну автобус прикатил.
Дружок, чтоб мы не протрезвели
хачей на водку разводил.

Он козырял ментовской формой
(так полагалось божеству),
и мне казалось это нормой
халявой, тропкой к торжеству.

Картина Репина «Приплыли»
глазам представилась с утра:
дружок мой был ничтожней пыли,
но мы запачкались вчера.

Какой досадный, глупый промах,
о, совесть, где же ты была?
Храни вас Бог от тех знакомых,
что вас ведут путями зла.

НОВЫЙ ГОД

Вроде потеплело –
Вот и благодать.
Снег ложится белый
На земную гладь.

Чувствами простыми
Комната полна.
Мы с тобой застыли
Около окна.

Вспоминаем опыт
Уходящих дней.
– Слышишь мерный топот
Ледяных коней?

Снег укрыл постройки
И идёт, идёт.
На хрустальной тройке
Мчится Новый год.

Ты меня извини, что подсчёт не веду,
Я в любви признавался в прошедшем году.

Испытание чувств проводил на тебе
И тебя привязал к непонятной судьбе.

Я тянулся к теплу сумасшедшей душой
И старательно рушил наш мир небольшой,

И забыл про тебя, и уехал в Москву,
И теперь в общежитии странном живу.

И студенческий день запивая глотком
Надоевшего пива, совсем ни о чём

Завожу разговор, непонятно зачем.
Он живёт до утра и умрёт без проблем.

В грязных джинсах ложаюсь на затёртый матрас,
Иногда по ночам вспоминаю о нас.

Я себя обману и к тебе не рвану,
Только как обмануть и себя и весну

Ту, которая нас повстречала давно?
Мы с тобой лишь однажды ходили в кино...

Пусть звучит это очень наивно,
Я люблю твоё имя, Марина.

Я так хотел открыть с тобою мир,
поверить в ложь, придуманную мною,
в той вечности, в которой мы сгорим,
но ты уйдёшь, и я глаза закрою.

И будет сон, но только без тебя,
и я дойду до той пустяшной бездны,
где можно жить, не плача, не любя,
я растворюсь в ней, навсегда исчезну.

Но ты во мне, ты всё ещё во мне,
и я ещё не умер, да, не умер.

Давай с тобою посидим-покурим,
и я исчезну в этом страшном сне.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

В жизни всё преходяще, и жизнь преходяща, не так ли?
Друзья после смерти распишут мне стену в «Контакте»:

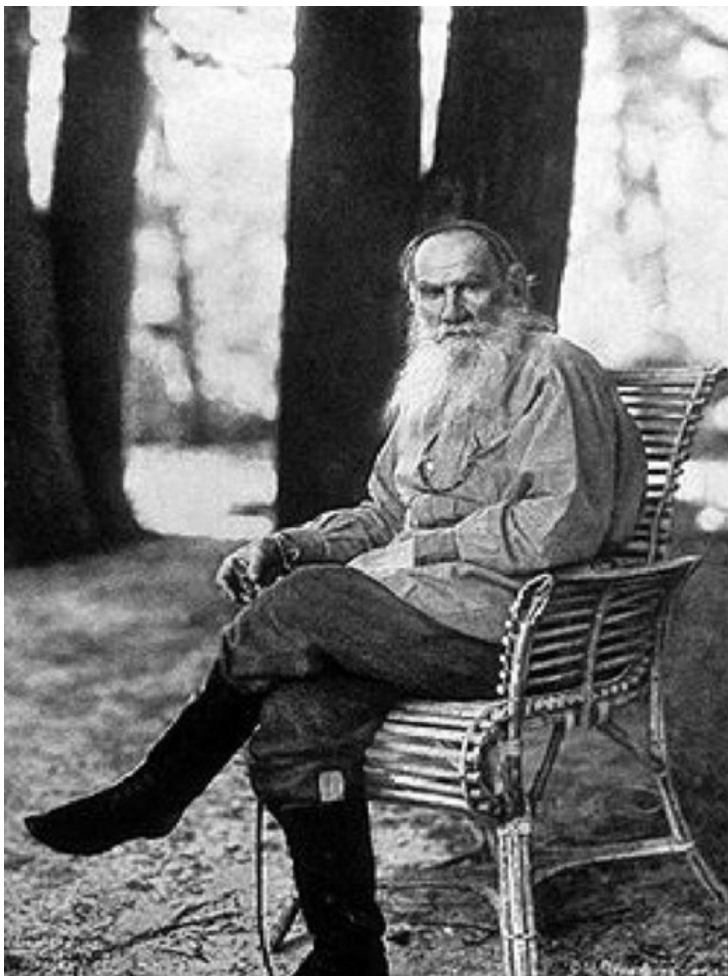
Любим, помним, скорбим и дальше в таком же духе.
Кто-то пустит слезу от подобной неспрухи...

Кто-нибудь из друзей напьётся с горя, как фалик,
Наверно, и ты, дорогая, оставишь свой грустный смайлик.

Всё, что я заслужил, - двоеточье и левую скобку,
Да на поминках накрытую хлебом стопку,

Чтоб неповадно было других сажать на измену.
Пушкин пробил себе памятник, я пробил себе стену.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ЛЕВ и СОБАЧКА

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям. Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье. Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком. Лев тронул её лапой и перевернул. Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки. Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке. Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу. С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке. Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол. Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней. Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней. На шестой день лев умер.

ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ (1909)

Выбранные места

1 Января 1909. Я. П.

Очень, очень хорошо. Неперестающая радость сознания всё большего и большего соединения со Всем – любовью. Вчера еще понял грубую ошибку, начав описывать лицо нелюбимое. Много хотел сказать, но и посетители, и письма растрепали.

1) Высшее, хотелось бы сказать: утонченное духовное благо (наслаждение) есть любовь к ненавидящему, к тому, кто хочет мне сделать зло. Удивительное дело: чем больше это зло для телесной жизни, тем то больше благо для духовной – любовной. Как же не жить любовной жизнью, не воспитывать в себе эту жизнь? А это возможно, я это с поразительной ясностью вижу на себе.

2) Благо жизни людей прямо пропорционально их любви между собой. Каково же должно быть их теперешнее положение, как далеки должны они быть от блага теперь у нас в России, когда все правители, консерваторы, все революционеры, все помещики, крестьяне, все ненавидят друг друга?

Все тяжелее и тяжелее мне становятся разговоры. И как хорошо одному! Удивительное дело, только теперь, на девятом десятке начинаю немного понимать смысл и значение жизни – исполнения не для себя – своей личной жизни и, главное, не для людей исполнения воли Бога – Любви, и в первый раз нынче, в первый день Нового 09 года почувствовал свободу, могущество, радость этого исполнения. Помоги мне быть в Тебе, с Тобою, Тобою.

1) В старости это уже совсем можно и даже должно, но возможно и в молодости, а именно то, ч[тобы] быть в состоянии не только приговоренного к смертной казни, но в состоянии везомого на место казни. Как хорошо: «Я есмь –

смерти нет. Смерть придет – меня не будет». Мало того, чтобы быть готовым не удивляться тому, ч[то] есть смерть, ничего не загадывать; хорошо, главное, то, ч[то] вся жизнь становится торжественна, серьезна. Да, жизнь серьезное дело.

2) Легко сказать: жить перед Богом, только перед Богом. (Мне портит мой дневник, мое отношение к нему то, ч[то] его читают. Попрошу не читать его.) А как это трудно и как хорошо. Я немножко начинаю понимать эту возможность, даже изредка жить так. Как это радостно! Удивительно, сколько совершенно новых узнаешь на старости радостей. Для того же, чтобы жить перед Богом, нужно 3) необходимо обращение к Нему, общение с Ним, как с личностью, хотя знаешь, что Он не личность. Это же обращение к Нему нужно приговоренному к смерти, нужно мне и всем нам.

Жить перед Богом - значит целью всякого поступка своего ставить исполнение Его воли, а исполнение это в одном – в любви, в том, в чем я вижу Его.

4) Признание Бога любовью тем и хорошо и благотворно, что, признавая Его любовью, общение с Ним, к[отор]ого не можешь не желать, только одно: любовь к людям. Преимущество этого общения с Богом перед всяким другим общением в том, что при этом общении чувствуешь, что Он есть и отвечает тебе в твоей душе, отвечает тем, что чем больше, полнее отдаешься ты любви к людям, тем больше он спокойствием, радостью наполняет твое сердце.

Самое трудное общение – это общение с вполне сумасшедшим, менее трудное – с не вполне сумасшедшим. Не надо, нельзя освобождать себя от любовного общения признанием сумасшествия. Напротив. Тут и узнаешь могущественность «меча любви». Не люблю метафор, но эта мне очень нравится. Именно меч, всё разрубающий. Нет такого

тяжелого, запутанного, затруднительного положения, к[отор]ое не разрешалось бы проявлением любви без всяких соображений о прошедшем и будущем, а любви сейчас, в настоящем

6 Янв. 1909. Я. П.

Вчера показалось, что могу писать худ(ожественное). Но не то. Нет охоты. Нынче совсем не могу. Да и не надо. Только бы над собой работать, приучать себя жить не для тела, не для славы людской, а для себя, настоящего себя, того, к[отор]ое не родилось и не умирает, для Бога. Только освободись от ложной жизни, и будет настоящая. Испытывал это 4-го дня и хочу испытать сегодня.

Ах, если бы только отвечать, когда спрашивают, и молчать, молчать. Если не б[ыло] противоречием бы написать о необходимости молчания, то написать бы теперь: Могу молчать. Не могу не молчать. Только бы жить перед Богом, только любовью.

8 Янв. 1909. Я. П.

1) О памяти. Я совсем почти потерял память. Прошедшее исчезло. В будущем ничего (почти) не желаю, не жду. Что может быть лучше такого положения? и я испытываю это великое благо. Как не переставая не благодарить Бога за эту чудную жизнь, свободную, радостную?!

2) Ночью думал о том, как бы хорошо ясно определить те злодейские должности, к[отор]ые не только христианин, но просто порядочный человек – не злодей, желающий чувствовать себя не злодеем, – исполнять не может. Знаю, что торговец, фабрикант, землевладелец, банкир, капиталист, чиновник безвредный как учитель, профессор живописи[си], библиотекарь и т. п. живет воровским, грабленным, но надо делать различие между самим вором и грабителем и тем, кто живот воровским. И вот этих самих воров и гра-

бителей надо бы выделить из остальных, ясно показать греховность, жестокость, постыдность их деятельности. И таких людей имя – легион. 1) Монархи, министры: а) внутренних д[ел], с насилием полиции, казнями, усмирения[ми], в) финансов – подати, с) юстиции – суды, d) военные, е) исповеданий (обман народа), и все служащие, всё войско, всё духовенство. Ведь это миллионы. Только бы уяснить им, – что они делают.

10 Янв. 1909. Я. П. Проснулся, и две вещи стали особенно, совершенно ясны мне: 1) то, ч[то] я оч[ень] дрянной человек. Совершенно искренно говорю это, и 2) ч [то] мне хорошо бы умереть, (Далее густо зачеркнуто: что если я на что годился, то я сделал это) что мне хочется этого.

Очень я зол нынче. Может быть, живу я ещё затем, чтобы стать хоть немного менее гадким. Даже наверное за этим. И буду стараться. Помоги, Господи.

11 Ян. 1909. Я. П.

Странно, чем кончил вчера, с того начинаю нынче. То, о чём просил Бога, нынче понемногу исполняется. Чувствую движение к лучшему. Оч[ень] долго спал и испытываю какое-то необычное чувство: ясности, неторопливости и внимательности. Казненных пропасть, и убийства. Да, это не звери. Назвать зверями клевета на зверей, а много хуже.

Чувствую потребность что-то сделать. Неудержимое требование, а не знаю ещё, что. Вот когда от души говорю: помоги, Господи! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое легкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хоч[ется] писать.

12 Янв. 1909. Я. П.

Сегодня хорошо очень себя чувствую. Но до 12-го часа ничего не делал, кроме пасьянса. Вчерашняя музыка очень взволновала меня.

Сейчас много думал о работе. И художественная работа: «был ясный вечер, пахло...» невозможна для меня. Но работа необходима.. А я мучительно сильно чувствую ужас, развращаемость нашего положения. Хочу написать то, что я хотел бы сделать, и как я представляю себе, что я бы сделал. Помоги Бог. Не могу не молиться. Жалею, что слишком мало молюсь.

14 Ян. 1909. Я. П. 1) После Смерти. Сон похож на смерть, только та разница, ч[то] и просыпаешься и засыпаешь на виду в этой жизни, а когда рождаешься, то не знаешь, из какой жизни пришёл, и когда умираешь, не знаешь, в какую жизнь уходишь.

2) Какое скверное соединение: вера, надежда и любовь, такое же ложное (вероятно, ради троицы), как красота, истина и добро. Какое безобразное соединение. Вера почти всегда ложь, даже всегда, если это не признание временно-го продела разума. Надежда же есть ложь, т. е. жизнь в будущем. Любовь же есть все высшее и вернейшее— и благотворнейшее из всего открытого нам. То же и с красотой, под фирмой к[отор]ой возвеличивается похоть. Истина же есть только отрицание лжи, а положительного ничего не включает. Добро же есть всё: хотелось? Значит, ч[то] мне лучше б[ыло] это сделать, чем не сделать. Всё ли можно и нужно делать, ч[то] хочется? Не всё, п[отому] ч[то] то, от чего мне лучше, может быть хуже другому. Что же можно и чего нельзя делать?)

3) Что такое религия. Зачем ты живешь? Не знаю. А если ты не знаешь этого, то никогда не будешь знать и того, что тебе надо делать и чего не надо делать. А плохо жить

тому, кто не знает этого. А потому с тех пор, как живут люди, они думали о том, зачем живут люди, и, поняв это, учили людей, что надо и чего не надо делать. Вот это-то учение и называется верой.

4) Индейцы говорят, что только одна их вера браминская истинна, китайцы говорят, что истинна только буддийская вера, татары, турки, персы – что истинна только Магометова вера, евреи говорят, что истина в их вере, христиане говорят, что все эти веры неправильны, а правильна одна христианская, но сами разошлись на разные веры: католическую, греко-рос(сийскую), лютеранскую и разные протестантские веры. Истинна вера только та, которая одна для всех людей. И это одно нужное для всех людей есть во всех верах. Одно это истинно, и этого надо держаться.

5) Если спросишь людей, тебе скажут, когда, в каком году ты родился и сколько тебе лет. Но сам про себя ты не можешь сказать, когда ты начался: ты знаешь про себя, что ты всегда был; что если бы тебя не б[ыло], ничего бы не было. То же и про смерть: люди говорят, что ты помер, но ты про себя знаешь, что тебе нельзя умереть. Тело твоё началось, растёт, будет стареться, помрет, но то нетелесное, что живёт в твоём теле: дух Божий, помереть не может.

6) Ты знаешь, что ты жив п[отому], ч[то] в тебе живет дух Божий, а если другие люди живут, то ведь и в них живет дух Божий, а потому дух Божий один во всех.

7) Отчего ты радуешься, когда другой человек радуется, и печалишься, когда другой печалится? А от того, что радуется и печалится в другом человеке тот самый дух, какой живет в тебе. Хотел писать мысли для детей, но не могу. А хочется. Отложу пока.

15 Ян. 1909. Я. П. На рождение можно смотреть, как на засыпание, и тогда жизнь – сон, и смерть – пробуждение. И можно смотреть на рождение, как на пробуждение от сна,

и на смерть, как на засыпание. Можно смотреть ещё и так, что рождение есть и засыпание к этой нашей телесной жизни и вместе с тем пробуждение от прежнего сна, а также и на смерть, как на пробуждение от этой жизни и засыпание в новую жизнь. И то, и другое, и третье верно. Пробуждение и сон, сон и пробужден[ие] есть наивернейшее представление во времени, нашей жизни.

16 Ян. 1909. Я. П.. Fais ce que doit... ([Делай, что должно...]) , и хорошо. . Не знаю, хорошо ли это или дурно, то, что после общения с людьми всегда совестно, всегда чувствуешь, что делал не то, что нужно – l'esprit de l'escalier [задним умом.] Недовольство же в том, что не то делаю с людьми, думаю, ч[то] хорошо. Надо учиться. Разумеется, легко бы одному, а вот учись с людьми!

17 Ян. 1909. Я. П. Оч[ень] дурно спал. Слабость, и всё утро ничего не делал. Думал, и, кажется, на пользу. Оч[ень] себе гадок. Весь в славе людской. Занят последствиями. Увидал всё своё ничтожество: как меня всего занимает суждение людей. Слава Богу, благодарение Ему, опомнился.— Да, да, помнить, помнить всегда, ч[то] жизнь только тогда, когда живешь по Его воле, для Него, в Нем. И какая тогда свобода, радость, какое высокое сознание или, скорее, сознание высоты своего человеческого значения, достоинства. То, ч[то] будут читать это[т] дневник, портит мое отношение к Нему.

Проложить след, пробить дорожку лучших мыслей, лучшего, высшего, доступного мне в лучшие минуты понимания жизни, и потом в слабые минуты укрыться под это понимание. Нынче особенно ясно б[ыло] так. Особенно низко пал, и особенно радостно было спастись в прежнее, уже знакомое, свободное, радостное состояние общения с

одним Им, сознанием себя Его органом. Ох, помощи, помощи оставаться в этом!

Я выразил то, ч[то] смерть есть то освобождение, к к[оторому] идешь, и потому благо. Так что же самоубийство? Я ночью задал себе этот вопрос. Кажется, можно ответить так: Смерть благо для того, кто положил жизнь в освобождении себя в жизни. Нет, не ясно. Подумаю еще.

18 Янв. 1909. Я. П.

Исправить подчеркнутое надо так: Смерть благо только тогда, когда исполняешь волю Пославшего (воля же Его в освобождении себя от личной жизни).

Вчера ночью оч[ень] нездоровилось, но испытал оч[ень] приятное чувство ожидания смерти без желания её, но и без малейшего противления, а отношение к ней, как ко всякому естественному и разумному поступку или событию. Кажется мне, что во всяком случае она – смерть – скоро – т. е. неделями, много месяцами должна наступить.

19 Янв. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[20 января 1909. Я. П.]

Был жив и 19, и нынче, 20 Я. 1909. Я. П., но очень слаб. Давно не был так слаб и телесно и умственно. Не скажу, чтобы духовно. Только бы не проявляться. В этом воздержании главное дело духовной жизни в периоды слабости. – Не делай только того, что противно Его воле и воле твоего настоящего «я», и ты будешь делать то самое нужное и хорошее, что ты можешь сделать. Да, наше служение только тогда действительно, когда мы не знаем, в чём оно, а знаем только то, чего мы должны не делать. Делать, хотим мы этого или не хотим, мы будем. Усилие наше только в том, чтобы не делать против Его воли – не сбиваться с дороги.

В эти дни слабости я не испытываю затемняющего стремления деятельности, особенно живо чувствую не-

правду жизни – ложь жизни. Постоянно совестно. Особенно за разговоры. Надо быть сдержаннее.

Очень хорошо бы ясно, пожалуй в образах высказать мысль о том, как вредно и тщетно это устраивание жизни не только других людей, но и самого себя – это *empietement*, [захват, присвоение] вторжение в дело Божие. Почти всё зло, 0,99 (В подлиннике описка: 0,01) в мире от этого.

Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и неводержности особенно живо почувствовал недостаточное памятование о том, ч[то] жизнь только в настоящем. Загадывания, предположения, желание видеть распространение своих мыслей, увеличение числа единомышленников, желание написать такое, ч[то] вызвало бы сочувствие, похвалу – всё это губит жизнь. Ничего не нужно, кроме памятований в настоящем своего положения органа Божества.

Так у меня на верстаке три работы. Едва ли сделаю хоть одну. Впрочем, это о будущем. Мож[ет] быть, мой разговор с Дурочкой Парашей важнее и нужнее этих работ. Только вспомнить всю сложность событий мирских, в к[оторых] участвуют и люди, чтобы ясно понять, почувствовать всю легкомысленность, тщету и вредность предположений служить общему делу.

Вчера узнал, что архиерей хотел заехать ко мне. Утром сходил в школу и сказал учительнице, чтобы она передала ему, что прошу заехать. Мне всегда жалки эти люди, и я рад этому чувству. Кончаю тетрадь, думал, что не допишу, а вот прошло 2 1/2 года – и дописал. Не помню, записал ли то, что б[ыло] ночью дня три тому назад: почувствовал близость, совсем близость смерти, сейчас, и было спокойно, хорошо, ни радостно, ни грустно, ни страшно.

22 Янв. 1909. Я. П.

Начинаю новый дневник в очень телесно слабом состоянии, но душевно не так дурно – помню себя и свое дело, хоть не всегда, но большей частью. (Зачеркнуто: никак) Вчера б[ыл] Архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить моё, по их зловредное влияние на веру в церковь. Особенно неприятно, ч[то] он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому всё, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении – ложь. Говорю это п[отому], ч[то], если есть люди, для к[оторых] по их религиозному пониманию причащение есть некоторый религиозный акт, т. е. проявление стремления к Богу, для меня всякое такое внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога. Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло.

Всё дело в том, что человек знает прежде всего себя, свое я, и находит это я связанным пределами пространственным и временным, и наблюдая и изучая явления простр(анственные) и временные, приходит к признанию сначала таких же, как и он, отделенных существ – организмов, а потом и к признанию существ, уже не отделенных, а сливающихся в одно: кристаллен, молекул, атомов. И естественно видит, в них тот предел пространственный и

временный, к[оторый] его ограничивает. Натывается на бессмысленность бесконечности признанием мира таким предметом, центр к[оторого] везде, а пределы нигде. Т. е., исходя от самого известного: себя, своего сознания, разумный челов[ек] невольно приходит к познанию сначала ближайшего к себе, потом более отдаленно[го] и наконец к сознанию непостижимости.

24 Янв. 1909.

Два дня не писал, нездоровилось, да и теперь не похвалюсь. С[оня] уехала в Москву. Вчера б[ыл] в тяжело раздраженном состоянии. Боролся. И то спасибо. Сейчас читал Fellowship. Много хорошего. Нынче гуляя думал о двух: Детская мудрость и о воспитании, о том, что как мне в детстве внушено б[ыло] всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны, возможно внушить детям всю энергию направлять на борьбу с собо[й], на увеличение любви.

Думал: Любовь отвечает на все требования добра. Чистота телесная, половая, кажется, совсем чуждое любви свойство, а подумай только о том, ч[то] ты делаешь тому, с кем только сладострастно совокупаешься, и любовь помешает тебе отдаться дурному чувству. А богатство, экономическое неравенство тоже кажется далеким, а борьба против него, как весь социализм, только проявление любви.

Сейчас кинул книгу на полку, она соскользнула, упала на пол, я рассердился и выбралил книгу. Так же должна быть ясна и стыдна злоба на человека, не делающе[го] того, чего мне хочется.

2 Фев. 1909. Я. П.

Шесть дней не писал. Нездоровилось. Нынче совсем плох, целый день лежал. Сейчас 11-й час, только встал и

пишу, но очень слаб. Но как хорошо болеть. Нынче во время болезни и слабости думал 4 вещи. Три помню, хотя и плохо, по 4-ю забыл. Вот что: Да, забыл сказать, ч[то] за эти дни ходил на деревню к бедным и получил сильное, полезное впечатлен[ие]. Итак: 1) О жизни «я», 2) о разуме, 3) о связи со всем. (Не то.)

1) Жизнь, какую я сознаю, никак не есть жизнь моего «я». Я - иллюзия, нужная для этой жизни, но иллюзия – как бы леса, подмости, орудие для работы, но не в нём сама работа. Напротив, перенесение интереса на него – на «я» – губит, останавливает работу. А работа не только нужная, хорошая, но радостная. В чем она? До конца не дано знать нам, но отчасти, насколько нужно, видно. Та работа настоящая, в к[оторой] делаешь то, что нужно, но не для тебя. (Было очень хорошо утром в мыслях, а теперь не то.)

2) Разум, к[отор]ому мы приписываем такое решающее, высшее значение, для истинной жизни не имеет не только такого важного значения, но не имеет никакого. Он нужен только для жизни «я». Он только здесь, среди людей имеет такую важность, обязательность, но если представить себе жизнь после смерти, то не только можно её представить себе без руководства разума, но должно представить её таковою. Там будет другое руководство занимать то место, к[отор]ое здесь занимает разум.

3) (Я вспомнил теперь; это б[ыло] о времени.) Рассуждая о том, что будет после смерти, мы рассуждаем о том, о чём не можем рассуждать: рассуждаем временно, т. е. с участием времени, о том состоянии, к[отор]ое будет вне времени. Время ведь есть только, также и пространство, форма нашей жизни. А мы из неё уйдём. Как же тогда время.

4) Даже в этой жизни есть нечто в нашей деятельности невременное и непространственное, и оно-то и самое нужное, важное и благотворное. А мы так привыкли к времени

и пространству, ч[то] при представлении о загробной жизни переносим их туда.

Времени нет. Есть моя жизнь. А она только написана на времени. Есть сочинение, а нет строк, букв. Оно написано только посредством строк и букв.

5) Время и пространство и вещество -обман, и моё я - обман (не обман, а фикция, мечта), а жизнь есть и не обман моё участие в ней, в не скажу вечной, но вневременной, внепространственной жизни. И то, что я не «буду» жить в теле после смерти и что не будет мое «я», не только не уменьшает мою веру в загробную жизнь, но непоколебимо утверждает её. То, что я называю и сознаю своим «я», есть вневременное, одно истинно существующее, – есть – не могу сказать: часть, п[отому] ч[то] в части есть понятие пространства и вещества, но есть сама жизнь

Фев. 1909. Я. П.

Вчера б[ыл] оч[ень] плох физически. Ничего не делал. Боролся с недобр[ыми] чувствами.. Маленькие и большие таланты, от Пушкина и Гоголя, работают: «Ах, не ладно, как бы лучше». Нынешние: «Э! не стоит, и так сойдет».

Они все поразительные невежды во всём том, что сделано великими мыслителями прошедшего. Они часто с сознанием своей великой смелости и мудрости позволяют себе по-своему оч[ень] слабо усумниться в том, ч[то] в этих вопросах уже нет подлежащей открытию АмерикиНу, довольно об этом.

1). По ощущению того, как это неприятно терпеть, понял – смешно сказать: в 80 лет – то, что не надо говорить с другими о том, ч[то] тебя занимает, а ловить то, ч[то] их занимает, и об этом говорить, если есть что.

2) Всё яснее и яснее становится для меня то, что наша жизнь есть ничто иное, как только сознание нашей отделенности, то, ч[то] мы называем своим «я» и что есть ни-

что иное, как только сознание жизни всего. Для того, чтобы быть отделенным, надо, чтобы было то, от чего мы создаем себя отделенными. А это-то то, от чего мы создаем себя отделенными, мы не можем понимать [иначе], как бесконечным в смысле матерьяльном, и не можем понимать иначе, как нераздельным с собою в смысле духовном.

Вот это-то нераздельное со мно[й] и есть то, ч[то] мы называем Богом.

Вечер. Всё думаю о том, ч[то] писал нынче утром. Да, если мы создаем себя отделенными, то это от того, что мы были (слово: «были» неверно, п[отому] ч[то] выражает время тогда, когда дело идет о вневременном) нераздельными, или скорее: то, что мы создаем себя отделенными, это только иллюзорное, или «временное» сознание, а в действительности мы не перестаем быть одно со всем (на религиозном языке это значит, ч[то] в нас живет Бог). Это-то одновременная отделенность и нераздельность дает нам власть, свободу, всемогущество, дает нам жизнь и её благо. Так что смерть есть только уничтожение иллюзорного, временного сознания отделенности. Заменится ли оно другим сознанием или нет, мы не знаем и не можем знать и не должны знать, п[отому] ч[то] знание это уничтожило бы свободу нашей жизни. (Всё неясно.) Да еще то хотел записать, что деятельность во имя сознания нераздельности есть высшая, всегда свободная и дающая благо деятельность. Деятельность же во имя сознания отделенности исполнена всегда страданий, страхов, неудовлетворенных желаний.

3) Еще хотел записать то, что я волей неволей принужден верить, ч[то] мне сделали какую-то несвойственную мне славу важного, «великого» писателя, человека. И это моё положение обязывает. Чувствую, что мне дан рупор, к[отор]ый мог бы быть в руках других, более достойных

пользоваться им, но он volens-nolens [хочешь – не хочешь] у меня, и я буду виноват, если не буду пользоваться им хорошо.

4). Слышу и получаю письма, вероятно и в печати, упрекающие меня за то, ч[то] я не отдал землю крестьянам. Не могу не признать, ч[то] было бы лучше, не боясь упреков семьи, отдать землю крестьянам (каким?), но можно б[ыло] как-нибудь устроить, но дурно ли, хорошо, я не сделал этого, но никак не п[отому], ч[то] дорожил этой собственностью. Я 20 лет и больше ненавижу её и не нуждаюсь и не могу нуждаться в ней и благодаря моим писаниям, и если не писаниям, то моим друзьям. – Единственная выгода того, ч[то] я не отдал землю, та, ч[то] меня за это осуждали, ругали, осуждают и ругают.

Теперь же после моей смерти я (Зачеркнуто: оч[ень]) прошу моих наследников отдать землю крестьянам и отдать мои сочинения, не только те, к[оторые] отданы мною, но и все, все в общее пользование.

Нынче 5 Ф. 1909. Я. П.

Ночью думал, мало спал, думал: да, «le monde est une sphere don't le center est partout et la circonference nulle part»(мир-это шар, центр которого-езде, а окружность-нигде). Прибавлю к этому, что этот центр – я и всякое живое существо. Жить значит чувствовать, сознавать себя центром вселенной²⁾ Димочке надо сказать, ч[то] брак не даст полноты жизни, а лишит ее полноты в лучшем случае, в худшем будет лишним препятствием к достижению назначения – блага.

6 Ф. 09. Я. П.

1) Тем хорошо признание Бога любовью, ч[то] общение с ним только одно: любовь к людям. И общение такое, при к[отор]ом Его чувствуешь, Он отвечает тебе.

2) Легко сказать: «жить только перед Богом», а как трудно, но и как хорошо!

3) Четыре ступени жизни: 1-ая животная, младенцы, 2-я подражание, подчинение внушению, «что люди, то и я» – детство, 3-я для славы людской юность, 4-я для души, для Бога – настоящая жизнь. Во всей жизни остаются все четыре. Вторая – традиция, инерция, гипноз, как люди, так и мы – главный двигатель 0,99 всей деятельности людской и в семье, и в общественных обычаях, и в государстве, и в религии.

Молитва: Хочется просить помощи у Бога. Но Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы не можем понять; не можем понять, но можем вступить в общение с Ним любовью. Если мы любим, то мы в Нем и Он, в нас. Так будем же любить всех и ближних, и дальних, и любящих, и ненавидящих нас. И будем всегда любить всех и мыслью, и словом, и делом. В этом одном и помощь от Бога и в этом высшее благо, к[отор]ое Он дает нам.

7 Фев. 1909. Я. П.

Всё нужнее и нужнее становится для меня короткая молитва, и я составил такую:

Молитва.

Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он, во мне и я в Нем. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях, и в словах, и в поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога.

8 Ф. 09. Я. П.

И вчера [и] нынче ничего не делал. Занят мыслью о молитве. Думал об этом и нынче ночью. Да, мне нужны три молитвы, три напоминания себе о том, кто я и что мне свойственно и должно делать. Одна первая и главная:

1) Знаю, ч[то] если люблю, то Ты во мне и я в Тебе. И потому хочу любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

Вторая:

2) Хочу не думать о суде людском, а делать только то, что мне перед живущим во мне Тобою должно и можно делать.

Третья:

3) Внешние события будущего скрыты от меня, но я знаю, что они совершаются по Твоей воле, и потому не хочу желать в будущем тех или иных, зная, что то, что совершается по твоей воле, всегда благо.

9 Ф. 09. Я. П.

Во всем да будет не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, а то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу желать и ожидать чего-либо в будущем, ни успеха в деятельности, ни славы людской, ни сил телесных, ни самой жизни. Одного хочу, хочу, чтобы быть в Тебе и с Тобою, любить всегда и всех, как и в мыслях, и в словах, и в делах.

Да будет со мною не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, но то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу в будущем ни успеха деятельности, ни славы людской, ни телесных сил, ни продления жизни. Одного хочу: хочу для того, чтобы быть в Тебе и Тебя сознать в себе, любить всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

11 Ф. 09. Я. П.

Думал о том, что молитва моя не годится для последних минут жизни, при смерти. А если не годится для смертного часа, то и вообще не годится, п[отому] ч[то] смертный час всегда, всякую минуту. Подумал сначала, ч[то] не годится в особенности для смертного часа усилие избавиться от заботы о славе людской. Но подумав еще,

увидал, ч[то] это неверно, ч[то] соблазн славы людской не покидает человека и в минуты смерти, часто, напротив, в эти минуты еще усиливается – как во всех тщеславных героических подвигах. Даже едва ли не во всех их двигатель тщеславие. Да, тщеславие, забота о славе людской – одно из главных препятствий для отдачи своей жизни служению духовному началу вне себя и в себе: вне себя, все яснее и яснее постигая его требования, и в себе, всё больше и больше подчиняя свою жизнь этим требованиям. Так что молитву оставляю такую, как записал. Разве прибавлю то, ч[то] выражает сознание, память о неизбежности, близости, естественности и благе смерти.

Знаю, что умираю, и в виду смерти не могу желать ничего внешнего в той жизни, из к[отор]ой уйду; не могу тоже желать и похвалы от людей, п[отому] ч[то] она не нужна умершему. Но не могу не желать и желаю одного: любить всегда одинаково всех и делом, и словом, и мыслью, всякую минуту и до последней минуты.

12 Фв. 1909. Я. П.

Да, вчера думал о том, как действительны слова умирающего. От чего? А от того, ч[то] умирающий не думает о мирском.

1) Какой это неразрывный круг: добрая жизнь – дела – усиливают веру, вера производит дела. От этого ясно, как не может быть веры – а только подобие её – самая страшная ложь – у властителей, воин[ов], грабителей, судей, лжеучителей.

14 Фев. 09. Я. П.

Вчера нездоровилось, но счастлив, не могу не благодарить..

1) Говорят: «разве возможно жить по закону любви, без удержания насилия злых?» То, что люди говорят это, по-

казывает, ч[то] говорящие верят в закон насилия, верят в то, что насилие учредит жизнь. Они верят в это, и действительно, закон насилия отчасти, только отчасти учреждает, или нам кажется, что учреждает жизнь. Что бы было, если бы мы верили в закон любви так же, как верим в закон насилия? Всё дело в вере в то или другое. И я думаю, что вера в закон любви придет и сделается столь же общей, какой была вера в закон насилия. (Я говорю: была, п[отому] ч[то] теперь уже является сомнение в действительности зак[она] нас[илия].) А как только вера эта сделается общей, так уничтожится большая часть тех зол, от к[оторых] страдает теперь человечество.

2) Часто отдаешься унынию, негодованию о том, ч[то] делается в мире. Какая это непростительная ошибка! Работа, движение вперед, увеличение любви в людях, сознание ее возможности, ее применения, как закона жизни, растёт в человечестве и положительным путем – признание ее благодетельности, и отрицательным – признание всё ухудшающегося и ухудшающегося положения людей вследствие признания закона насилия. Да, надо видеть этот двойной рост, а не отчаиваться.

3) Смертные казни в наше время хороши тем, ч[то] явно показывают то, ч[то] правители дурные, заблудшие люди, и ч[то] поэтому повиноваться им так же вредно и стыдно, как повиноваться атаману разбойничьей шайки.

15 Ф. 1909. Я. П.

1) Осуждать за глаза людей подло – в глаза неприятно, опасно, вызовешь злобу. И потому одно возможное, разумное, а потому и хорошее отношение к людям, поступающим дурно 2) Сейчас б[ыл] нищий, мужик, бывший солдат, говорит иностранными, ненужными словами, но смысл речей один: ненависть к правителям, к богатым, за-

висть и оправдание себя во всем. Страшное существо. Кто это сделал? революционеры или правительство? Оба.

3) Религиозно нравственное положение народа ужасно, как будто нет выхода. Но он есть, только во времени. Наелся дурной, вредной пищи или напился пьян, и мучаешься, и кажется, ч[то] нет выхода, п[отому] ч[то] сейчас действительно нет выхода, но выход есть. Желудок переварит, организм переработает, так и в этом.

4) Какое ужасное зло сделано революционной литературой: указать прежде не сознаваемое, спокойно переносимое зло и предложить, как единственное средство избавления, средство, не избавляющее, а увеличивающее зло – это ужасно жестоко. И это самое сделано революционерами с народом. Ы. – Надо бы яснее, да не осилю.

18 Ф. 09. Я. П.

1) Сейчас думал очень для меня важное: Всё хочется – не знаю, по старой ли привычке или по свойству души человеческой – хочется молиться, Бог, Ты, Ты – всё, чего я смутное проявление в теле, в отделенном от Всего теле, Ты – Весь, во всем совершенстве, помоги мне. Говорю это – и мне хорошо на душе. Не знаю, кто Тот, Кого я прошу о помощи, но мало того, что знаю, ч[то] Он есть, но знаю и то, что чем больше, искреннее, горячее прошу Его о помощи, тем больше чувствую эту помощь. Да. Помогите мне освободиться от тела, соединиться с Тобо[й] – и чувствую, что Ты уже помогаешь, и – хотел бы сказать, ч[то] люблю Тебя, но «люблю» не то слово. Чувство мое к Тебе и не так горячо, как любовь, и не так узко, телесно. Это не любовь. В любви есть желание блага, а в этом только желание соединения. -(Чепуха.)

2) Я всё придумывал молитву краткую и молюсь составленной длинной молитвой. Это нехорошо. Молитва не

может быть одна и та же на все дни, на все часы. Нынче мне нужно: «помоги». А иногда нужно: «благодарю».

19 Ф. 09. Я. П.

1) Надеяться, ожидать чего-нибудь разумный человек может только одного: смерти.

2) Надо в жизни не ожидать будущего, а готовиться к жизни в настоящем.

Очень ясно чувствую, испытываю радость, успокоение, свободу жизни только для Бога, в Боге.

20 Февр. Я. П.

Всё так же, как вчера, тяжелое физич[еское] состояние.

21 Фев. 1909. Я. П.

1) Мы, крошечные отделенные существа с нашими случайными внешними чувствами (таких чувств может быть миллионы разных. Мы и видим разные у животных), мы этими чувствами творим мир, нами познаваемый, с микроскопическими животными и небесными телами, и живем в полной уверенности, что мир действительно такой, и такой только и есть. Какая глупость! Не говоря уже о том, ч[то] мир-то этот нелепый в бесконечном времени вперед и назад и в бесконечном пространстве, с бесконечно великими частями материи и такими же бесконечно малыми частицами материи, т. е. совершенная чепуха, не говоря уже об этом, разве не очевидно, что то, что мы называем действительно существующим миром, есть произведение чувств одного, случайно одаренного известными, исключительными чувствами существа человека. Так что тот мир, к[отор]ый мы воображаем, ч[то] существует один, есть только одна из бесчисленных возможных случайностей. Знаем же мы, что это так, п[отому], ч[то] знаем по участию в нем, что есть другой мир, независимый от тех или иных

чувств, мир духовный, – один, только один. Этот другой мир мы не можем сказать, ч[то] знаем, но можем и должны сказать, ч[то] он есть. И знать то, что он есть – великое благо.

Забыл записать: Забота о славе людской, о мнении людей не есть одна из слабостей людских, один из соблазн[ов], как думают многие, нет, это соблазн из соблазнов. На нем почти все, если не все грехи людей: и богатство, и ученость, и властолюбие, и раздражение, и ненависть, и отчаяние, всё на этом.

22 Фев. 1909. Я. П.

Вчера хорошо ездил далеко верхом и хорошо думал. Дома вечер большая слабость. А многое хочется. Что-то надо б[ыло] записать важное – забыл. Одно помню: о «свободе воли». Как неправильно говорить о «свободе воли». Точно как будто кто-то от чего-то освободился.. Свобода света, свобода тяготения. То, что называют свободой воли, есть сама жизнь, то, что мы называем жизнью, но что и называть-то ничем нельзя. Свободой воли мертвые люди называют ту жизнь, к[отор]ую они утратили и о к[отор]ой удержали смутное воспоминание.

25 Ф. 1909. Я. П.

Третье[го] дня, т. е. 23, совсем не помню. Оч[ень] холодно. 23-го, кажется, ходил пешком. Был посетитель, одурённый и развращённый революцией. Всех ненавидит, осуждает, а для себя всё можно. Читал V. Hugo. Прекрасно – проза, но стихи не могу.

С радостью чувствую освобождение от славы людской.

27 Ф. 1909. Я. П.

Вчера чувствовал себя совсем больным, ничего не ел, и слабость телесная, но духовное состояние – напротив. Чув-

ствую близость смерти, и если умирать-это то, что я чувствовал вчера и отчасти нынче, то это одно из лучших состояний, испытанных в этой жизни.

Только бы быть в любви со всеми.

1 Марта 1909. Я.П. .

Нынче проснулся бодрый, хотя мало спал

Нынче 2 М. 1909.

Неподвижно сидел вчера от ноги, также сижу и нынче. Вчера совсем ничего не делал.

1) Смертная казнь хороша тем, что показывает ясно, что правители злые, недобрые люди, и повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться атаману шайки разбойников. (Дальнейшее, кончая записью от 1 марта 1909 г., внесено в тетрадь Дневника переписчиком. Редакцией здесь, как и в других подобных случаях, исправлены неточности по подлиннику (Записная книжка N. 1)).

1) Смертн[ая] казнь хороша тем, ч[то] ясно показывает то, что правители – злые, недобрые люди, и что повиноваться им так же стыдно и вредно, как повиноваться шайке разбойников.

2) Ничего не желаю для себя в будущем, потому что верю, что всё безразлично, и если я делаю, что должно, для меня всё благо. Не ищу похвалы от людей, потому что знаю, что искание славы людской мешает исполнению воли Бога. Желаю и ищу одного: чтобы я всякую минуту жизни одинаково любил всех, любил и делом, и словом, и мыслью.

13 февр.

Читал Croft Hiller'a. Неверно, искусственно допущение насилия для восстановления прав Бога. Только любовь, а любовь только без насилия любовь. Главное же, в чем я

ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.

14 Февр.

- 1) Для того, чтобы закон любви учредил жизнь, надо верить в него так же, как мы верим в закон насилия.
- 2) Губительный вред революционных писаний.
- 3) Любовь к людям, животным, природе, к себе.
- 4) (Д[етская] М[удрость]. Осуждение.)
- 5) Наш мир только частный случай.

28 Февр.

- 1) Жизнь есть стремление к соединению с Началом всего, с Богом, так как же может быть страшна смерть для того, кто понимает истинный смысл жизни. Как же ему бояться того, в чем исполнение его стремлений.
- 2) Умирая, испытываешь то, что брошенный ребенок, возвращаясь к любящей и любимой матери.
- 3) Как рабочие сами виноваты. Цель не должна быть освобождение, а цель – достижение лучшей духовной жизни – цель религиозная, общая, и тогда и только тогда попутно достигнется цель политическая, частная.
- 4) Наивность недоумения сегодняшнего рабочего о том, что «этак можно получить много неприятностей».

1 Марта.

- 1) Бог есть любовь. Любить Бога значит любить любовь.
- 2) В первый раз испытал чувство, которое могу назвать похожее на любовь к Богу. Сейчас не могу по произволу вызвать это чувство, но могу вспоминать о нем.
- 3) Смерть есть прекращение жизни в пространстве и времени. Для того, кто не сознает жизни вне пространства и времени, она есть прекращение всего.

4) Подати самое могущественное орудие порабощения, и потому освобождение возможно только при освобождении от участия в собирании податей и – страшно сказать (и вместе с тем радостно) – только при освобождении от корысти, при готовности к бедности, при отказе служения богатым.

5 Марта.

Никак не думал, что 4 дня не писал. – За эти 4 дня оказалась болезнь ноги, усадившая меня в кресло и поставившая в зависимость от помощи других. Не похвалюсь духовным состоянием, особенно по вечерам. Но не слабею, знаю, что плох. Недоволен тем, ч[то] нет радостного любовного состояния. Вчера целый день только написал два N Д[етской] М[удрости] и всё читал Гоголя. О Гоголе записано в книжке. Саша впишет сюда: (Дальнейшие 4 абзаца машинописная копия, написанная на вклеенном в тетрадь Дневника листке, с одним исправлением Толстого).

1) Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т. е. несмелый, робкий ум.

Лучшее произведение его таланта – Коляска, лучшее произведение его сердца – некоторые из писем.

Главное несчастье его всей деятельности это его покорность установившемуся лжерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал всё существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов славянофилов и был софистом и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало еще больше склад его мыслей его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. Письмо о «Ревизоре», вторая часть «Мертвых душ» и др.

Отдается он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдается он нрав-

ственно религиозному – и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во 2-ой части «Мертвых душ» и др.

Прибавить к этому надо то, что всё от того, ч[то] искусству приписывает несвойственное ему значение.

(С[аша] впишет сюда.) (Дальнейшие 4 абзаца – копия записи от 3 марта «Записной книжке»)

3 Марта. 1) Любить Бога значит любить божественное в себе. В себе оно ограничено, только вне себя оно полно. Предмет любви к Богу есть то, что во мне ограничено, но вне меня полно.

2) Любить Бога и ближнего значит любить в себе то, что не ограничено, в других же и то, что ограничено (не то).

3) Да, Бог сотворил мир, но не какой-нибудь особый Бог, и а тот Бог, который во мне. Он сотворил весь видимый мир.

4) Опасность игры слов и всякого красноречия.

Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими – и он становится дурен. И чем больше людей сходится вместе, тем труднее им удержаться от дурного. От этого-то так важна, нужна любовь. Только с нею, не делаясь хуже, могут сходиться люди.

Отец мой, начало любви, помоги мне, помоги в том, чтобы делать то, чего Ты через меня хочешь.

24 Июня.

Опять ничего не писал. Читал Евангелие, оч[ень] хорошо. (Зачеркнуто: и Гоголя.) О Гоголе тоже хорошее чувство. Особенно понравилось, как готов обнять человечество, но не человека. Пришел Гусаров с Димочкой. С

Гус[аровым] хорошо поговорили. В газетах о Штокг[ольме] и Гусеве и о чтении в Берлине. Щекочет, но держусь. Ездил с Митичк[ой] верхом. Видел Гусарова жену – как хорошо, ч[то] она оч[ень] некрасивая. Записать надо кое-что, но некогда. Иду отдыхать.

Обед, как обыкновенно. Вечером читал Конфуция и говорил много и хорошо с Ив[аном] И(вановичем) об изданиях и книг о религиях и копеечных изданиях На кажд[ый] День.

25 Авг.

Встал довольно бодро, вышел – и первый блин комом: мужик Новосильский просит помощи, и я спешил итти и недобро поговорил с ним. И сейчас же стало стыдно. И так радостно б[ыло], когда он догнал меня, и я поговорил с ним по-братски, попросил у него прощения. Дома составлял первую книжечку: Для души. Надо 12 книг. 1) Для Души. 2) Весь закон в любви. 3) Бог в тебе. 4) Бойся греха. 5) Бойся соблаз[на]. 6) Бойся ложной веры. 7) Один закон для всех. 8) Истинная наука. 9) Истинная свобода. 10) Жизнь в том, чтобы приближаться к Богу. 11) Нет смерти. 12) Всё благо.

Теперь 12-й час. Видел прекрасн[ый] сон Хочу. записать. Оч[ень] б[ыло] хорошо

23 Окт.

Спал хорошо. Всё хочется писать. Пошел гулять. Слаб. Болит поясница. Вернулся, сначала не хотелось, а потом написал сон свой о Генри Дж[ордже] Одна из главных причин ограниченности людей нашего интеллигентного мира это погоня за современностью, старание узнать или хотя иметь понятие о том, что написано в последнее время. «Как бы не пропустить». И люди, следящие за современ-

ностью, ничего не знают, а следят и набивают себе голову мякиной, сором, кот[орый] весь отсеется и от к[оторого] ничего не останется.

Есть самоотречение телесное и самоотречение духовное. Первое это отдать другому пищу, когда тебе самому есть хочется, отдать деньги, труд... Второе это то, чтобы отдать славу доброго дела другому, прослыть дураком, дурным человеком для того, чтобы исполнить требования совести, закон Б[ога], любви.

24 Окт. Написал письмо Ч[ерткову]. Перечел написанное утром и ужаснулся – как плохо. Не стану тратить времени на поправку.

Сегодня проснулся еще слабее, чем вчера. Прошел по саду.

25 Окт.

Вечер вчера читал Мещ[ане] Горьк[ого]. Ничтожно..

То, что должно бы быть основой всех знаний, если не единственным предметом знания – учение нравственности – стало для некоторых не лишенным интереса предметом, для большинства «образованных» – ненужной фантазией отсталых, необразованных людей.

26 Окт.

Не спал до 3-х, и б[ыло] тоскливо, но я не отдавался вполне. Проснулся поздно Не мог Заснуть. Слаб, но лучше. Иду обедать.

27 Ок.

Здоровье не худо. ХодилОдно хотел записать, это – мое ясное сознание своего ничтожества во всех отношениях.

28 Окт. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[28 октября.] Как раз оказалось сомнительно, ч[то] буду жив: слабость, сонливость. Заснул в 5-м часу и спал до 8. Оч[ень] слаб. На душе оч[ень] хорошо.

29 Окт. Проснулся поздно, [в] 10-м часу. Опять неестественно много спал. верно объяснил. . 5 часов, ложусь спать.

Из записной книжки. 1) Не судить ни на словах, ни в мыслях и потому тем менее заботиться о суждении людей. А то самое обыкновенное – тот, кто весь живет заботой о мнении людей – осуждает почти всех людей, каких знает.

[2)] Помогите мне, Господи, ни на словах, ни в мыслях не судить людей, за то и не заботиться о их суждении обо мне.

[3)] Желание блага есть жизнь, понял, что личность и все ее интересы сон, и желание блага направляется на всё – любовь.

[4)] Сон с своими периодами полной бессознательности и полупробуждениями сознания, дающими материал для запоминаемых сновидений, и наконец полным пробуждением – совершенное подобие жизни с бессознательными периодами, проявлениями сознания запоминаемыми, всё более и более ясными, и наконец смертью, полным пробуждением. Хотелось бы сказать, что жизнь до рождения, может быть, была такая же, что тот характер, который я вношу в жизнь, есть плод прежних пробуждений, и что такая же будет будущая жизнь, хотелось бы сказать это, но не имею права, п[отому] ч[то] я вне времени не могу мыслить. Для истинной же жизни времени нет, она только представляется мне во времени. Одно могу сказать: то, что она есть, и смерть не только не уничтожает, но только больше раскрывает ее; сказать же, что было до жизни и будет после смерти, значило бы прием мысли, свойствен-

ный только в этой жизни, употреблять для объяснения других, неизвестных мне форм жизни.

31 Окт.

Главная причина непонимания жизни после смерти – это невозможность представить себе жизнь вне пространства, вещества, времени и движения. Мы можем только сознать ее, но не можем представить.

Из записной книжки:

1) Нет такого Бога, который мог бы исполнять наши требования, есть только такой, требования которого мы должны исполнять.

2) Не то, чего я хочу, а то, чего Ты хочешь. Перед Богом. Хочу жить с Тобою не для себя, а для Тебя.

3) Вся тайна в том, что есть нечто непреходящее, соединенное с временем и пространством; нечто это – сознание

[14 ноября.]

Пропущено 12 и 13. Нынче 14 Нояб.

12. Ничего особенного.. С утра был бодр, а теперь оч[ень] слаб. Иду завтракать.. Вообще устал, устал от жизни. Выспался, пора проснуться. Одно, одно хорошо: делай поведенное, и если уж не любить всех, то не не любить никого.1) Утонченное духовное наслаждение для души, вроде гастрономических деликатес[ов] для желудка, это – доброе, ласковое, не притворное любовное отношение к человеку, оскорбившему вас, и еще утонченнее, если удастся без его ведома сделать ему добро

16 Н. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[17 ноября.]

Был жив, но очень б[ыл] слаб. Ночь спал тяжело. Еще вчера было так тоскливо просыпаться и начинать день, что я записал где-то: неужели опять жить!

18 Н. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[18 ноября.]

Жив. И даже оч[ень] хорошо себя чувствую от живого сознания возможности жить с Богом и Богом. Ходил гулять утром и перед сном. Не могу передать этого сильного, странного, колеблющегося чувства – сознания возможности жизни только для Бога, для исполнения Его закона. То же чувство, когда сознаешь себя органом, каналом, через к[отор]ый проходит только в этом мире неподвижное, невещественное, безвременное, внепрострапственное начало, к[отор]ое мне дано сознать.

19 Н. Е[сли] б[уду] ж[ив].

[19 ноября.]

Жив. Мало спал, но приятно возбужден. Нынче мне всё хорошо, и стыдно сказать, всё от того, ч[то] желудок освободился. Не хочется верить, – так много духовного в эти периоды телесного здоровья. От Леонида Семенова прекрасное письмо. Как радостно и благотворно общение с такими людьми! Сейчас постараюсь ответить ему.

1) Прощение не имеет смысла для христианина. Понятие прощения вытекает из нехристианского чувства и понятия наказания – мести.

2) Любовь есть желание блага предмету любви, и потому любовь ко всему есть желание блага всему и производит согласие, мир, единение; любовь же к себе есть желание блага одному себе и производит вражду, борьбу, раздор. Кроме того, любовь ко всему включает любовь к себе, любовь же к одному себе исключает любовь ко всему. И потому любовь ко всему побеждает любовь к себе, и в этой победе жизнь и каждого отдельного человека, и всего мира.

Завтра приезжают музыканты. Спроси[л] себя перед Богом и нашел, что безразлично. Иду обедать.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Кедров	3
Елена Кацюба	31
Николай Ерёмин.....	47
Максим Цариков	69
Евгений Попов.....	116
Марина Савиных	131
Сергей Бирюков	143
Григорий Шувалов.....	170
Лев Толстой	204

АЛЬМАНАХ
ЕБЖ
«Если Буду Жив»

МИРАЖИСТЫ

АЛЬМАНАХ
ЕБЖ
«Если Буду Жив»

Константин
Кедров
Елена Кацуба
Николай
Ерёмин
Максим Цариков
Евгений
Попов
Марина Саввинных
Сергей
Бирюков
Григорий Шувалов
Лев Толстой

«ДООС»

Добровольное Общество Охраны Стрекоз

Подписано в печать 26.07.2016. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная Тираж 100 экз. Заказ 07-095.

Отпечатано в типографии «Литера-принт»
Телефон 2 950 340

